

МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ И ТЕОРИИ
АРХИТЕКТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ СССР

СОЮЗ СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ УЗССР

НАУЧНАЯ СЕРИЯ

МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ И ТЕОРИИ
АРХИТЕКТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ СССР
1950

УЗБЕКИСТАН — страна богатого архитектурного прошлого. Его памятники занимают почетное место в сокровищнице мирового зодчества. Развитие архитектуры Узбекистана протекало более двух тысячелетий.

Овладение художественным наследием былых эпох, уяснение принципов и традиций, определивших своеобразие стиля местной архитектуры, умение отобрать то лучшее, прогрессивное, что было запечатлено в ней силой народного гения, — таковы неотложные задачи архитекторов Узбекистана, решающих проблему создания новой архитектуры — социалистической по содержанию, национальной по форме.

За последние годы в республике проводились большие исследовательские работы по изучению истории национальной архитектуры. Однако в значительной части они оставались достоянием научных архивов. Между тем, в целях пропаганды достижений советской научной архитектурной мысли необходима публикация этого обширного материала.

Настоящим сборником «Материалов по истории и теории архитектуры Узбекистана» Союз советских архитекторов УзССР открывает серию выпусков, посвященных различным вопросам архитектуроведения Узбекистана.

К составлению сборника был привлечен коллектив исследователей — известных и начинающих, молодых и имеющих многолетний опыт научно-исследовательской работы, — с энтузиазмом работающих в республике на поприще изучения памятников узбекского зодчества.

Сборник включает материалы о ряде мало известных памятников национальной архитектуры, имеющих значительный интерес с точки зрения строительных конструкций, архитектурных принципов, художественных закономерностей.

На ближайшее время Союз советских архитекторов УзССР намечает составление последующих сборников издаваемой серии по темам: «Опыт применения национального наследия в социалистической архитектуре Узбекистана», «Архитектурная практика советского Узбекистана» и ряд других.

Союз советских архитекторов УзССР

А. Н. Виноградов
АРХИТЕКТОР

МАВЗОЛЕЙ ВОСЬМИГРАННИК В АНСАМБЛЕ ШАХ-И-ЗИНДА В САМАРКАНДЕ

«Рядом с Ширин-Бека-акой маленькая купольная усыпальница необычного плана — она многогранна, с сквозными арками в каждой стороне и отличается большой скромностью по изразцовой отделке».

В. Вяткин.

Памятники древностей Самарканда*.

В ансамбле замечательных памятников архитектуры Самарканда, носящем общее название «Шах-и-Зинда» (живой царь), среди поражающих красочностью, нарядностью и четкостью рисунка изразцовых одежд усыпальниц находится скромный по внешней отделке и необычный по плану небольшой мавзолей, не имеющий ни наименования, ни даты постройки. В общем обилии красок, форм и тончайшего ювелирного искусства в декоре зданий, оформляющих узкий коридор Шах-и-Зинда, мавзолей Восьмигранник отличается необычной простотой.

Мавзолей находится на восточной стороне коридора, заканчивая собой среднюю группу памятников, идущих за высокой лестницей и сразу же после первой сени. Между ним и предыдущим, расположенным по ту же сторону мавзолеем сестры Тимура — Ширин-бек-ака, оставлен небольшой промежуток, около метра, позволявший в свое время обойти Восьмигранник со всех сторон.

Мавзолей правильно ориентирован своими осями по странам света. Толщина его стен — в среднем 1,20 м, внутренние размеры между противоположными сторонами равны 3,86 м. В каждой из сторон располагается сквозная стрельчатая арочка шириной в 1 м. Таким образом, Восьмигранник представляет собой открытую ротонду с равнозначными фасадами и четырьмя осями симметрии.

Поверхности стен мавзолея облицованы в основном мозаикой из поливных кирпичиков двух цветов: голубого и ультрамаринового на фоне притертых кирпичей натурального цвета обжига.

В настоящее время не сохранилось никаких следов наружного купола и барабана, даже верхняя часть облицовки граней Восьмигранника, под влиянием атмосферных осадков, отвалилась от стен вместе с раствором. Можно только догадываться, что вертикальные боковые бордюры граней, соединяясь наверху горизонтальными полосами, обрамляли совместно арочки, тимпаны их и прямоугольные панно под ними (ктеба), в виде буквы П. По другую сторону от коридора мавзолеей врос в землю выше основания арок.

Шах-и-Зинда еще до Тимура было очень почитаемым местом, якобы как мазар Куссамы ибн-Аббаса, сподвижника и двоюродного брата «пророка» Мухаммеда. И если жены, сестры и приближенные могущественного Тимура, желая быть погребенными возле «святого места», строили себе еще при жизни богато украшенные мавзолеи с фасадами, выходящими на дорожку, ведущую к могиле святого, то простые смертные, не желая отставать от них, копали могилы для своих умерших непосредственно у стен этих мавзолеев. С течением времени вокруг Шах-и-Зинда образовалось обширное кладбище, и Восьмигранник оказался, в свою очередь, на всю высоту панели погребенным под наслоениями окружающих его надгробных насыпей.

Несложный геометрический мотив орнамента кирпичной мозаики, komponующийся в поставленный на угол квадрат, повторяется в вертикальных полосах граней по всему обрамлению. Во всех гранях этот элемент и рамка выполнены из ультрамариновых кирпичиков в композиционном сочетании с голубыми, а в северной грани только из голубых кирпичиков.

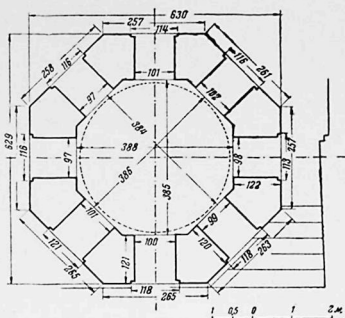
Обрамление сквозных арок выполнено кладкой в полкирпича без поливы; тимпаны же и прямоугольные панно под ними обрамлены и разделены бордюром в голубой рамке, состоящим из повторяющихся белых шестилепестковых цветков (ромашки?), связанных извивающимися голубыми стеблями (мотив «ислими») с расположенными в промежутках между цветками черными с фиолетовым оттенком листиками. Весь этот рисунок выполнен на общем ультрамариновом фоне. Фигура тимпана, несколько выступающая из плоскости стены, заполнена орнаментом из разбросанных по синему фону цветов, связанных переплетающимися голубыми и черно-фиолетовыми стеблями. Все орнаменты выполнены в технике резной мозаики. Мозаика сохранилась только на северной грани мавзолея и на небольшом участке бордюра на северо-западной его грани.

Немногочисленные остатки облицовки наружных граней мавзолея показывают, что мотивы орнаментации их были совершенно идентичны.

На юго-восточной грани облицовка настолько разрушена, что обнаружилась конструктивная кладка проема, перекрытого деревянной перемычкой. Стрельчатая форма арок, таким образом, была выполнена в облицовке.

Над основным объемом Восьмигранника расположен невысокий цилиндр, обложенный в некоторых местах кирпичом, положенным плашмя, и покрытый сверху почти плоским куполком, также выложенным кирпичом плашмя. Это — оформленный при ремонте внутренний купол.

Внутри все пилоны между арками также облицованы кирпичной мозаикой, с очень несложной композицией орнамента, повторяющегося в каждой грани. Контуры арок обрамлены уже не в полкирпича, как сна-

Мавзолей Восьмигранник. План

ружи, а в четверть. Тимпаны над арочками когда-то были заполнены майоликовыми плитами. Судить об этом можно только по северо-западной грани, где сохранилась единственная плитка, с цветочным рисунком на синем фоне.

Щековые поверхности и софиты арок облицованы кирпичной мозаикой с простым геометрическим орнаментом.

Переход к внутреннему куполу начинается сразу же над тимпанами арок небольшим нависанием в штукатурке с округлением углов восьмиугольника без промежуточных переходных форм. Внутренняя поверхность купола гладко оштукатурена, и по ней на белом фоне была выполнена почти не сохранившаяся ныне роспись, начинавшаяся снизу полосой надписей, идущей по всему периметру.

Очень интересна форма внутреннего купола: кривая его, повышаясь, несколько расширяется, а потом уже сводится шапкой (см. разрез).

Детальные обмеры памятника были выполнены автором в 1946 году. В декабре 1946 года по поручению Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР археологом А. И. Тереножкиным при участии Б. Н. Засыпкина были сделаны раскопки внешних стен Восьмигранника от северной до юго-восточной грани.

Обнаружилась цокольная часть мавзолея, облицованная, как и все стены, кирпичной мозаикой. Внизу грани оформляла панель, высотой в 97 см. Рамка панели выложена из кирпича на ребро, без поливы, внутренняя часть заполнена простым геометрическим орнаментом двух мотивов, повторяющихся через одну грань. Орнаменты эти выполнены из кирпичиков тех же трех цветов, что и в остальных частях памятника, — синего, голубого и нормального цвета обжига.

В восточной грани был обнаружен древний вход в мавзолей.

У нижней рамки панели на глубине 1,3 м ниже поверхности земли и на 1,2 м выше пола коридора Шах-и-Зинда открыта кирпичная вы-

Мавзолей Восьмигранник. Вид с северо-запада

мостка шириной в 0,8 м. Она идет вокруг стен мавзолея и выложена из кирпичей размером $23 \times 23 \times 4$ см. Непосредственно у мавзолея один ряд кирпичей уложен параллельно стенам, а остальные ряды под углом в 45° .

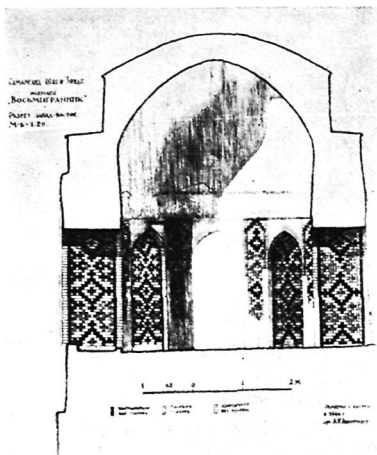
Вдоль восточной и юго-восточной граней на вымостке обнаружен слой утопанной земли толщиной от 5 до 7 см.

Перед древним входом сделаны две ступени из обожженных кирпичей, причем кладка ступеней лежит на вышеуказанном утопанном слое земли. Высота первой ступени — 17, а второй — 50 см. Ступени эти ведут к входному проему, равному по ширине 80 см и расположенному на 80 см выше уровня настила. В настоящее время проем заложен кирпичом.

Тот факт, что ступени лежат на утопанной ранее прослойке земли, показывает, что уровень пола внутри мавзолея первоначально соответствовал уровню выстилки снаружи, а ступени сложены уже позднее, когда пол мавзолея по какой-то неизвестной пока причине был повышен на 80 см.

Очевидно, пол внутри мавзолея был расположен ниже отверстий арок и современного нам пола на целый метр, что дает совершенно новое представление о первоначальных пропорциях памятника — снаружи и внутри.

Проходящий ныне с западной стороны мавзолея коридор углублен на 1,2 м ниже древней поверхности земли. Предполагается, что это произошло во время возведения нижней порталной входной арки, когда была устроена лестница по склону древнего вала городища Афрасиаб и

Мавзолей Восьмигранник. Разрез

вход ко всей группе импозантно оформлен с юга. Понижение уровня пола коридора привело к обнажению фундамента всех мавзолеев, расположенных южнее Восьмигранника. Обнажился также фундамент западной грани Восьмигранника. В кладке фундамента этой грани имеется стрельчатое окно, заложенное кирпичом. Вероятно, это и был вход в подземный склеп.

При раскопках найдено много обломков и целых поливных кирпичиков — голубых и синих, — выпавших из стен Восьмигранника, и небольшое число майоликовых плиток аналогичных встречающимся на декоративных кирпичях барабана мавзолея, приписываемого Казы-заде-Руми.

По рисунку, восстановленному А. И. Тереножкиным, при сопоставлении найденных фрагментов, можно установить очень большое сходство их с изразцами подкарнизной части малого барабана этого мавзолея. Привожу описание рисунка, данное А. И. Тереножкиным в его отчете:

«По густому синему фону — рамка голубой глазурью с вписанным в нее побегом такой же глазурью с розой, у которой середина дана густой коричневой краской, а лепестки — серебряной [1]. По верхнему нависающему краю карниза идет бордюр из чередующихся серебряных ромбиков и голубых лепестков. Высота плиток 30 см, толщина 3, ширину установить нельзя».

Для полного изучения памятника и восстановления его бывшего облика нужно продолжить раскопки, закончить расчистку со всех сторон (от насыпи земли), захватив широкую полосу, чтобы получить больше остатков от облицовок, очистить завалы внутри до уровня древнего пола и произвести вскрытие склепа. Вскрытие, несомненно, даст дополнительные материалы к решению многих неясных вопросов. Предполагают (по мнению Б. Н. Засыпкина), что именно этот мавзолей является местом погребения астронома Казы-заде-Руми, с именем которого, на основании сочинения самаркандского автора XVII века, в последние годы принято было связывать двухкупольный мавзолей, стоящий по западную сторону от большой лестницы главного коридора Шах-и-Зинда.

Так как на мавзолее Восьмиграннике не указана дата постройки, а в литературных источниках нет никаких упоминаний об этом, произведенные раскопки дали дополнительный материал к его датировке.

Для приблизительного определения времени его возникновения приходится обратиться к методу сравнения с другими памятниками.

Прежде всего Восьмигранник нельзя причислить к тимуровскому времени, так как почти все постройки Тимура отличаются или гигантскими размерами, или чрезмерной роскошью отделки^[2]. Восьмигранник же, наоборот, скромн и по величине, и по декоративной своей одежде. За принадлежность его к послетимуровскому времени говорит и расположение его среди других мавзолеев Шах-и-Зинда. При Тимуре застройка ансамбля возле мазара Куссама ибн-Аббаса проходила по двум линиям. Одна шла в непосредственной близости к мазару (мавзолей жены Тимура Туман-ака 1405—1406 годов с мечетью-хонаком перед ним), другая (в первой половине его правления, когда еще существовала, вероятно, только простая дорожка, поднимающаяся по древнему валу Афрасиаба) с юга при подходе к мазару Куссама. На вершине вала был «порог» — вход в «святое место», о чем упоминает Абу Тахир-ходжа.

Самые привилегированные места «у порога» были заняты постройками еще при Тимуре, а Восьмигранник был пристроен к ним позднее.

Мы считаем, что мавзолей Восьмигранник принадлежит ко времени Улугбека (первая половина XV века). На это указывают те общие признаки, которые роднят его с другими постройками, бесспорно принадлежащими эпохе этого просвещенного правителя. При сравнении исключим те постройки, которым, судя по их назначению и величине, было уделено особое внимание. Это три медресе Улугбека: в Бухаре — 1417 год, в Самарканде — 1420 год, в Гиждуване — 1433 год, и пристройки при мавзолее Гури-Мир. Рассмотрим же более близкие по значению памятники. К таким относятся: мавзолей Ходжа Абди-Дарун, входной портал в Шах-и-Зинда, двухкупольный мавзолей, приписываемый Казы-заде-Руми, и ансамбль мечети Кок-Гумбаз в Шахрисябзе, к которому принадлежит мечеть, мавзолей под названием Гумбаз-и-Сейидан и оформление порталной стенки у гробницы шейха Шамседдина Кулала (вскрытое автором при обмерах в 1947 году под слоем штукатурки).

Все названные объекты сближаются между собой следующими признаками.

1. Сравнительной простотой и стилистической близостью орнаментов и отделок основных поверхностей стен, которые облицованы кирпичной мозаикой трех основных цветов — синего и голубого глазированного кирпича и желтовато-розового, притертого — без поливы.

2. Наличием вкрапленной в облицовку стен разноцветной майолики в виде плит в тимпанах декоративных нишек.

3. Применением однотипных майоликовых разноцветных облицовочных плит в барабанах под карнизом.

4. Наличием рельефных (сталактитовых) майоликовых штучных элементов (блоков) в карнизах барабанов.

5. Использованием в технике облицовки панелей и тимпанов арок резной цветной мозаики в небольшом по отношению к общей площади количестве с менее тонкой работой, чем в мавзолеях тимуровского времени; тона их не так чисты и прозрачны, подбор цветов менее художественен.

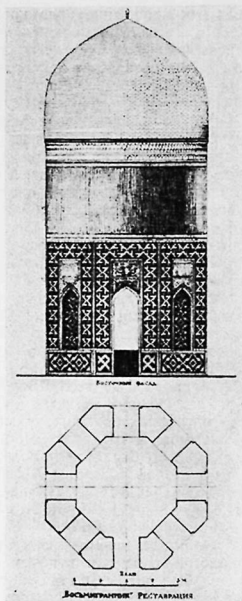
Кроме того в мавзолеях Казы-заде-Руми, Гумбаз-и-Сейидан в Шахрисябе и в Восьмиграннике на внутренних поверхностях куполов и стен замечается роспись по гладкой штукатурке тонкой кистью, в основном синей краской, объединяющая их между собой.

Наконец, во всех постройках Улугбека отмечается одинаковая техника облицовки зданий, которая с этого времени входит уже прочной традицией: на грубый остов здания наносится вся облицовка примораживанием на растворе, без малейшей связи с конструктивной кладкой здания, как бы одетого в облицовку, тогда как при Тимуре еще можно заметить в ряде случаев конструктивную увязку облицовки с основной кладкой стен выпуском кирпичей.

Можно также отметить определенную последовательность в возникновении ряда мавзолеев в комплексе Шах-и-Зинда. Последний в одной группе с Восьмигранником тимуровский мавзолей Ширин-бек-ака датирован 787 годом (1385—1386). Восьмигранник, если признать правильными высказанные выше соображения, был построен позже.

Портал, оформляющий вход в Шах-и-Зинда с юга, имеет дату, помещенную с левой стороны ворот входной арки. Надпись гласит: «Это грандиозное здание основал Абдул-Азиз-Хан, сын Улугбека Гургана, сына Шахруха, сына эмира Тимура Гургана, в 838 году (1434—1435)».

К этому же времени нужно отнести сооружение лестницы по откосу древнего вала Афрасиаба и углубление коридора, соединяющего все мавзолеи Шах-и-Зинда. Мавзолей Восьмигранник тогда уже существовал,

Мавзолей Восьмигранник.
Реставрация фасада

так как понижение пола коридора обнажило подземную часть кладки стены его склепа. Восьмигранник надо считать близким по времени с двухкупольным мавзолеем, приписываемым Казы-заде-Руми, который тоже был возведен до сооружения вышеупомянутой лестницы и всей порталной части [3]. Работы по облицовке этого мавзолея и Восьмигранника настолько одинаковы, что их можно приписать тем же мастерам. Сказанное дает основание датировать мавзолей 1420—1430 годами.

Установление принадлежности памятника ко времени Улугбека позволяет на основании стилистических аналогий и по данным проведенных нами обмеров предположить схему реконструкции его в общих чертах. Основной восьмигранный объем его сохранился почти в первоначальных пропорциях. Наружная облицовка граней, при восстановлении орнамента обрамления арочных плоскостей, вписывается в существующие габариты и легко увязывается с оставшимися частями кирпичной мозаики.

Величина подкупольного барабана не может быть точно определена, и его размеры приблизительные, по аналогии с другими памятниками эпохи Улугбека, имеющими барабаны (мавзолей Ходжа Абди-Дарун, Казы-заде-Руми и Гумбаз-и-Сейидан в Шахрисябзе); среднее отношение высоты барабана (считая вместе с карнизным поясом) к его диаметру равнялось приблизительно 1:2. Это относится к барабанам сравнительно небольших диаметров (большой барабан мавзолея Казы-заде-Руми, барабаны медресе Шир-Дор, сделанные по образцу медресе Улугбека на площади Регистан в Самарканде, мавзолее Ходжа Абди-Дарун). На барабанах больших диаметров отношение это уменьшается (мечеть Кок-Гумбаз в Шахрисябзе), на малых, наоборот, увеличивается, например, малый барабан мавзолея Казы-заде-Руми имеет отношение 1:1.

Со второй половины XV века встречаются примеры увеличения высоты барабана (Ишрат-Хана). Считая наш памятник близким к мавзолею Казы-заде-Руми, можно принять отношение высоты его барабана к диаметру равным 1:2.

Форма внешнего купола также принята (см. чертеж реставрации) по аналогии с малым куполом мавзолея Казы-заде-Руми. Возможно, что купол был покрыт, по традиции, голубыми глазированными кирпичиками.

На основании предыдущих описаний и материалов раскопок попробуем представить себе первоначальный облик мавзолея Восьмигранника. В первое время его существования, когда не было еще вымощенного коридора, но уже существовал вход со стороны большой дороги, с юга по валу разрушенной городской стены Афрасиаба (древнего Самарканда), и четыре более ранних мавзолея уже стояли около входа, паломники, посещающие мазар Куссама ибн-Аббаса, последовательно обходили все мавзолеи по очереди в порядке их расположения вдоль дорожки. От мавзолея Ширин-бек-ака — они проходили через узкий промежуток между ним и Восьмигранником и с востока через вход попадали в мавзолей. Позднее для удобства входа сделаны дополнительные ступени.

В настоящее время Восьмигранник уступает соседним мавзолеям по величине и богатству отделки. Но прежде он был если не выше своих соседей, то отличался стройностью в массах. Его купол с бирюзовой поверхностью выделялся между соседними зданиями. Из всех мавзолеев группы Шах-и-Зинда только два (Казы-заде-Руми и Восьмигранник) отличались тенденцией к вытянутости общих форм.

Интересно установить место, занимаемое мавзолеем Восьмигранни-

ком с точки зрения его архитектурных форм. Восьмиугольный план вообще — не оригинальное явление в решении мавзолея, в частности, уже в самом Самарканде имелся восьмиугольный по внешним очертаниям мавзолей Гури-Мир впрочем, крестообразный в интерьере.

Известен также ряд памятников восьмиугольного плана в Азербайджане. Однако все они с глухими стенами, с единственным проемом — входом, и покрыты в большинстве шатровыми (пирамидальными) скуфьями. Таковы мавзолей Атабаба (1161—1162) в Нахичевани, мавзолей «Ших-Бабалы», над могилой шейха Дурсуна близ селения Ахсу (1403—1404) Шемахинского района, в Кубатлинском районе и др.^[4]

Возможно, что эти памятники могли быть известны строителям нашего Восьмигранника, так как мастера и ремесленники различных специальностей были завезены еще Тимуром в Самарканд из всех завоеванных им стран, в частности из Азербайджана.

Однако в Восьмиграннике мы имеем совершенно своеобразное новое решение основной идеи, при котором октогон, прорезанный в каждой грани сквозными арочками, представляет собой открытую во все стороны изящную легкую ротонду.

Обилие света, проникающего в арочки с восьми сторон, позволявшее в свое время видеть все детали интерьера, — совершенно необычное явление в строительстве мавзолеев, имевших большей частью только один вход или проем, служивший иногда и единственным источником света. Если строитель Восьмигранника заимствовал идею плана у своих предшественников, то она им претворена творчески, совершенно своеобразно и самобытно. В этом памятнике нашли свое полное отражение местные традиции и производственные навыки в облицовке поверхностей здания, в общей композиции завершения, каковым мог быть только сфероконический купол, покоящийся на круглом барабане.

Мавзолей Восьмигранник стоит обособленно в ряду других среднеазиатских усыпальниц и представляет весьма интересный образец легкого и вместе с тем монументального сооружения этой группы построек.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Серебряный цвет никогда не встречается в среднеазиатских майоликовых изразцах; возможно, что А. И. Тереножкин ошибся. В майоликовых плитках мавзолея Казы-заде-Руми, очень близких по мотивам и технике рисунка, встречается накладка золотом поверх обожженной поливы белого цвета. Вероятно, и в данном случае в найденных фрагментах применено золото, а не серебро.

2. Вот вывод проф. Л. Н. Воронина по этому вопросу: «Если присмотреться к памятникам тимуровского времени, то две их черты прежде всего бросаются в глаза. Первая — их грандиозность, подавляющая монументальность. Вторая — пестрота, обусловленная полихромной фактурой, покрывающей большие плоскости стен»... «Тимуром приемы восточного монументализма, насыщенности здания декоративной мишурой возведены в огромную степень, призваны к ведущей роли в архитектуре, являя принцип этой архитектуры, без которой она теряет все свое существо».

3. На это указывает то обстоятельство, что портал его был обращен к югу, а не к востоку, в сторону лестницы, как это считалось прежде. В 1945 году, при участии автора, раскопками был обнаружен фундамент левого пилона порталной арки в юго-западном углу мавзолея.

4. И. П. Щелбыкин. «Памятники Азербайджанского зодчества эпохи Низами» Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР. Баку, 1943.

Л. Н. Воронин
ДОКТОР АРХИТЕКТУРЫ

УСТРОЙСТВО ОСНОВАНИЙ В ПАМЯТНИКАХ АРХИТЕКТУРЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Решение вопроса об устройстве оснований в архитектурных памятниках Средней Азии осложняется из-за трудностей, заключающихся, прежде всего, в недоступности прямого обследования подземных частей памятников, в особенности в таких высотных сооружениях, как минареты. С другой стороны, в подавляющем большинстве случаев обследуются видимые части памятников, фундаменты же не обмеряются, оставаясь, таким образом, вне поля зрения исследователей. Изучение конструкций старых архитектурных памятников вообще сильно отстаёт от изучения их архитектуры, несмотря на настоятельную потребность расширить наши знания о материалах и технике их возведения.

Приводимые ниже данные об основаниях ряда архитектурных памятников очень неполны, но они все же дают возможность некоторых заключений в оценке этой конструкции в свете наших современных воззрений. Само собой разумеется, что особые свойства лесса, повсеместно распространённого грунта, нашедшего применение в качестве материала в строительных конструкциях (кирпич-сырец, жжёный кирпич, пахса и пр.), не могли не сказаться на устройстве фундаментов под сооружениями разного назначения. Большое число этих сооружений просуществовало вопреки всем неблагоприятным условиям сотни лет, будучи этим обязано не только прочности материала и конструкций постройки, но больше всего устройству основания. Обыкновенные жилые постройки, судя по археологическим данным и историческим свидетельствам, в подавляющем числе случаев не выходили за пределы 1—2 этажей, причем применяемые строительные материалы в сочетании с сейсмическими условиями диктовали всемерное облегчение этих построек (каркасная конструкция). Что же касается монументальной архитектуры, то по типу строительных материалов, применяемых при постройке, можно установить два основных этапа: древнейшее строительство из глины (сырец, пахса) и более позднее строительство из жженого кирпича. На том и другом этапе возводились крупные сооружения, и перед строителями вставал вопрос об основаниях для мощных тяжеловесных зданий.

Как же решалась проблема возведения оснований под различными видами монументального строительства и какие конструкции были при этом созданы?

Ответ на этот вопрос тем более интересен, что от правильного решения его в значительной мере зависели размеры и высота возводимых сооружений. Творчество строителя в данном случае связывалось с особенностями местного грунта, обусловливаемыми всей суммой его качеств как со стороны механической, так и со стороны его химического состава.

Как ни мало у нас сведений об устройстве оснований в различных архитектурных сооружениях Средней Азии, но и эти немногие и по существу разрозненные данные говорят о том, что строители старых времен отлично разбирались в свойствах грунта и в меру своих сил и возможностей старались обеспечить прочность оснований [1].

Раскопки показали, что на древнейшем городище Афрасиаб сохранились жилые постройки, восходящие, очевидно, к первым векам н. э. и представляющие значительный интерес как определенный этап развития типа жилого дома. В откопанных на Афрасиабе сооружениях фундаментов не оказалось (за исключением руин минарета из жженого кирпича) [2].

Едва ли будет ошибкой предположить, что в легком жилищном строительстве фундаментов вообще не было. Даже в прошлом веке фундаментов не делали — стены жилых домов обычно возводились на ряде камней или жженого кирпича, на которые укладывались два слоя берданы [3] (это можно видеть и теперь в некоторых городах); конструкция стен при этом каркасная с заполнением из сырца или гуаля [4], реже из последних материалов без каркаса. Иногда, впрочем, копали котлован, куда засыпалась слоями земля, уплотняемая поливкой и трамбовкой [5].

Лишь относительно недавно (конец XIX и начало XX веков) под жилыми сооружениями появляется фундамент. При устройстве оснований местные строители учились в этих случаях у русских мастеров и делали фундаменты обычного известного всем устройства. Дополнительно было принято наполнять водой котлованы, предназначенные для возведения фундамента, в целях выявления просадки, трещин и других изъянов грунта — прием, не потерявший значения до сих пор и предусмотренный местными нормами [6].

Итак под жилыми глинобитными и сырцовыми постройками до XX века фундамент как таковой отсутствовал.

Что же касается капитальных глинобитных сооружений дофеодалного периода в виде крепостей и других построек монументального характера, иногда не выясненного назначения, — фундамент как подземная конструкция здесь также отсутствует. Стены ставились большей частью на сплошные платформы, преимущественно глинобитные, иногда сырцовые или иного устройства. Высота такой платформы зависит от размеров здания и достигает нескольких метров.

Ряд любопытных сведений по этому предмету дает изучение древних памятников Каракалпакки. На песчаных грунтах сложился следующий прием: расчищенная строительная площадка и ее откосы обсыпались строительным мусором (сырцовым ломом, комьями глины) и поливались водой, в результате получалась цементированная с песком прочная корка. На этом основании возводились стены из сырца, причем образованные ими клетки засыпались на 1,40 м песком, поверх которого устраивался тем же способом из строительного мусора пол с глиняной обмазкой.

В одной из античных крепостей Хорезма платформа состоит из ряда сырцовых стен, промежутки между которыми заполнены сырцом с прослойками песка [7].

В горных местностях своя специфика конструкций. Так, в замке на горе Муг (долина Зеравшана) основанием постройки служит кладка из камня на глине [8].

Самые стены доарабских построек ставились из битой глины (пахсы), сырца и смешанным методом [9].

Для придания устойчивости (особенно важной в сейсмически неблагоприятных условиях местности), внешние глиняные стены всегда имели больший или меньший талос. А безопасность от главного врага — воды, в этих случаях всемерно обеспечивалась. Глиняное сооружение устанавливалось на таком повышенном месте, что вполне достигалась сухость нижних частей стен и их оснований. Башни и стены старого Термеза, Мерва, крепостей Каракалпакки и другие сооружения различного назначения, вплоть до жилых, могут служить наглядной иллюстрацией сохранности глиняного строительства, не утерявшего до сих пор своего внушительного вида, ни одной детали устройства и оформления.

Вот некоторые данные о фундаментах средневековых памятников Средней Азии по наблюдениям автора, имеющимся в литературе, и устным сведениям.

В одном из мавзолеев (?), обнаруженных среди развалин Старого Мерва, сохранившиеся стены которого, сложенные из сырцового кирпича размером $26 \times 26 \times 5$ см, имеют 6,5 м вышины, при толщине 2,1 м, — цоколь из жженого кирпича ($20 \times 20 \times 2$ см и др. размеров) выложен на высоту 1 м. Небольшое заглубление в землю, которое трудно точнее определить ввиду неизвестности старого горизонта, создавало здесь то, что мы определяем как фундамент. Такое же в общем устройство и некоторых других сырцовых сооружений Мерва [10].

Интересно разрешен вопрос устройства подземных частей недавно обнаруженного древнего памятника — мечети в Хазара, время сооружения которой относится к VIII—IX векам. В мечети с девятью куполами, являющейся беспортальным центрическим сооружением, средний купол поддерживается четырьмя массивными круглыми столбами. Фундамент под этими столбами, имеющими базы в виде вала сдавленной формы, носил вполне определенный характер и состоял из битого жженого кирпича на глине с глубиной заложения до двух метров [11]. Подобное устройство можно видеть и в более поздних памятниках под пилонами, столбами и вообще конструкциями с ответственной нагрузкой.

Фундамент под мавзолеем саманидов (Бухара; X век) углублен на 2,3 м от старого горизонта земли. Он выложен без обреза из кирпича правильными рядами, причем первые три ряда от основания из крупного кирпича (60×60 см) [12]. Можно предположить, что глубокое заложение фундаментов диктовалось здесь учетом местных условий грунта.

В «аудиенц-зале» дворца термезских правителей XI—XII веков (в пригороде средневекового Термеза) нижняя часть стен представляет собой 10 рядов кладки жженого кирпича, правильными рядами с обрезом в 8 см только по наружным сторонам (в середине же кладка из крупных обломков на глине) и опирается на уплотненное кирпичным ломом основание глубиной 1,45 м. Фундамент такого же рода имеется и под ближайшим столбом. Стены этого здания сырцовые [13].

В старом Термезе в центральном мавзолее группы Султан-Саадат (XI—XII века), сложенном из жженого кирпича на глинe, при шурфовке в юго-западном углу здания, обнаружена подземная часть, представляющая собой продолжение стены (кирпич на глинe) без обреза на глубину 0,5 м^[14].

Фундамент под мавзолеем султана Санджара (Мерв; XII век) возведен уступами на глубину около 2,5 м^[15]. В нижней своей части он выложен из кирпича на растворе из жирной глины, в которую по мере приближения к цоколю в возрастающих пропорциях примешивался ганч.

В Бухаре, где в местах расположения памятника Магаки-Аттари (XII—XIII века) культурный слой достигает 12 м, на глубине 3 м от современного уровня земли найден пол мечети. Под этим полом вскрыты два более старых, следующих друг за другом на небольшой глубине от первого. От более древнего горизонта идет выстилка площадки перед мечетью с одним приступком. Здесь можно видеть и древнейший фундамент, представляющий собой простое продолжение кирпичной стены на глубину около 1 м. Понимание фундамента в данном случае иное, чем в современных конструкциях^[16].

При исследовании мавзолея Ходжа Ахмада (XIV век) в группе Шах-и-Зинда в Самарканде не было обнаружено никакого фундамента, что дало М. Е. Массону, производившему вскрытие склепа, повод заключить, что до Тимура эта конструкция в среднеазиатских сооружениях вообще отсутствовала, а в более позднее время «фундаменты всех сооружений... отличаются солидностью, а в больших сооружениях опущены даже на глубину нескольких сажен»^[17].

При прокопе под мавзолеем Амир-заде (1382), в целях вскрытия склепа, который также был обнаружен летом 1939 года, установили, что фундамент под мавзолеем (стена портала) отсутствует. Грунт при выемке земли у мавзолея Амир-заде имел свежий вид, содержал ничтожно малое количество остатков, хотя мавзолей расположен рядом со старой стеной Афрасиаба. Встал вопрос о старом уровне земли (аллеи Шах-и-Зинда) около этого мавзолея и мавзолея Туглу-Текин — жены эмира Хуссейна (1375—1376), а также и других близлежащих мавзолеев.

Приподнятость стен мавзолеев над уровнем аллеи заставила предположить, что коридор Шах-и-Зинда со временем не поднимался, а наоборот, опускался. При таком предположении делаются объяснимыми и высокие входы в мавзолеи (в особенности в южной части аллеи со стороны ворот) и такое непонятное на первый взгляд явление, как полное отсутствие фундаментов у этих мавзолеев^[18].

При шурфовании в 1936 году у угла пилона Ак-Сарая в Шахрисабзе (XIV век) на глубине 7 м был обнаружен крупный булыжный камень на сером растворе (уголь, зола и, вероятно, алебастр). Глубина заложения фундамента раскопками не установлена^[19].

В строительстве XIV века глубокие фундаменты под сооружениями капитального характера почти не встречаются. Таков, например, мавзолей Ходжа-Ахмеда Ясеви в Туркестане — памятник, поражающий мощью и массивностью форм. Фундамент здесь заглублен (от старого уровня земли) местами всего на 25—30 см и представляет собой несколько рядов небрежной кирпичной или смешанной кладки^[20]. В связи с этим памятник оседает и постепенно разрушается. В 1886—1887 годах стены

его были подкреплены контрфорсами. По сохранившимся историческим сведениям постройка мавзолея осуществлялась исключительно быстрыми темпами. Возможно, что этим объясняется несовершенное устройство его фундаментов.

В мавзолее Гури-Мир кладка стен склепа впервые была обследована при ремонтно-исследовательских работах [21].

Стена склепа (в юго-восточном углу), несущая к тому же его своды, сконструирована очень тщательно и состоит из нескольких слоев разных материалов, расположенных в следующем порядке: под полом мавзолея — кирпичная кладка 0,7 м, сверху у пола — бордюр серого мрамора 0,29 м; под кладкой проложена мраморная плита 0,22 м, ниже — куски мраморовидного известняка на алебастре 0,65 м, еще ниже слой кусков кремнистого сланца на кыре 0,75 м, который ближе к подошве основания сменяется серым раствором. Общая высота стены, имеющей два обреза, — 3,97 м.

Такое устройство основания, конструктивно отвечающее усилиям, на него действующим, — тяжесть вышележащих стен мавзолея, своды склепа, соответственно которым в массиве проложена мраморная плита, принимающая на себя кирпичную кладку (кладка под плитой забучена сначала мраморовидным известняком, а ниже кремнистым сланцем последовательно на алебастровом, кыровом и сером растворе) — редкий, почти исключительный случай в строительной практике старых времен.

Фундаменты из рваного камня обнаруживаются у мечети Биби-ханым (начало XV века) [22].

Мавзолей Ак-Сарай в Самарканде (XV век) имеет фундаменты из бутового камня [23].

В Самарканде, на юг от Регистана, «в сотне шагов от него» находилась когда-то «затерявшаяся усыпальница шейбанидов». Это уже погибший памятник старины. В Чильдухтароне (так называется памятник в народе, вероятно, по обилию могильных камней — сорок девять) к нашему времени остались лишь жалкие остатки стен». Здание это было довольно обширно и перекрывалось куполом [24]. Устройство фундаментов здесь было следующим. Фундамент был продолжением кирпичной кладки стен на глубину 1 м, а ниже под всеми стенами проходила подушка из гипса [25].

Мечеть Калян в Бухаре (XVI век), по некоторым данным восстановительных работ, имеет стены, заглубленные на 2 м [26].

Фундаменты под стенами медресе Абдулла-хана (Бухара, XVI век) сделаны из крупного камня, уложенного с некоторой перевязью на алебастровом растворе. Под подошвой фундамента расположен небольшой слой булыжника, уложенного насухо. Глубина заложения фундамента около 3—4 м.

Такое же в основном устройство фундаментов под медресе Улугбека в Бухаре (XV век), Кукельдаш и под Токи-Заргарон (XVI век).

Шурфы под последними четырьмя зданиями закладывались в немногих местах, большей частью с одной стороны стены. Но и здесь можно видеть чрезмерный вынос обреза фундамента (у пештаков 1 м и больше) совершенно своеобразного профиля, когда площадка выноса несколько изогнута вверх [27].

Медресе Мири-Араб (Бухара, XVI век) в 1939 году дало у главного портала трещины, вызванные аварией водопровода. Прокопка под се-

верной стеной (ближе к фасаду) при углублении на 5 м обнаружила бутовую кладку пополам с кирпичной, уложенную на смеси глины с алебастром. Обрез фундамента не был обнаружен. Глубина раскопок не дала возможности установить глубину заложения фундамента^[28].

Фундамент, вошедший в обиход строительства с тех времен, когда оно все больше укрупнялось и усложняло свои конструкции, принимает иногда, как это видно из предыдущих примеров, гипертрофические и трудно объяснимые, с точки зрения современного расчета, формы.

В комплексном памятнике медресе и мавзолее Барак-хана в Ташкенте (XVI век), «глубина заложения фундаментов, равно как и обрезы фундаментных стен, весьма разнообразна. Так обрезы фундаментов у малого мавзолея достигают 40—50 см. Фундамент под западным мавзолеем заложен на глубине 5,5 м от современного уровня пола (прежний пол находился ниже современного на 70 см). Фундамент под входным во двор мечети пештаком заложен на глубине 0,5—2,5 м от уровня современного пола, отвечающего, повидимому, и первоначальному его положению. Вызывает удивление, что под северным пилоном пештака забученная площадь под фундаментом настолько велика, что пилон пештака занимает только некоторую часть этой площади. Таким образом, в северную сторону массив фундамента выступает на 1,5 м и в восточную на 2,3 м при глубине заложения до 2,5 м. Возможны два объяснения: вначале был запроектирован значительно больший портал мавзолея, чем сооруженный, либо такая плита, по утверждениям старых местных мастеров, возведена с целью искусственного уплотнения грунта, принимающего огромную нагрузку от мощного бокового пилона пештака»^[29].

Минареты и близкие к ним башенные сооружения, передававшие на грунт сосредоточенную нагрузку, требовали особенно внимательного отношения к устройству несущих подземных частей, поэтому устройство их оснований нельзя ставить в один ряд с подобными же устройствами в остальном строительстве. Например, минарет при медресе Улугбека в Самарканде (XV век) по обследованию при реставрации и выпрямлении его имеет фундамент, опущенный на глубину немного более 6 м. Обрез этого фундамента около 1 м. Фундамент выложен в основном из рваного кремнистого сланца. Верхняя часть его на высоту 0,3 м выполнена из кирпича. Раствор каменной кладки «кыр»^[30]. Остальная кладка на «гачхаке»^[31] и облицовка на алебастре^[32].

В устройстве оснований меры, принимаемые от сырости, засоления и сейсмических колебаний, неотделимы от конструкции самого фундамента.

Изучение показывает, что сохранившиеся остатки глинобитного и сырцового строительства, нередко тысячелетней давности, были совершенно надежно обеспечены от влияния как почвенных, так и поверхностных вод, могущих подмыть основание. Ноздреватый вид старых стен, оплывание выступов, выкрошивание материала, замечаемые по всей поверхности стен и часто ближе к основанию, являются результатом выветривания (попеременного воздействия сухих, холодных и жарких ветров, несущих пыль и песок, зимней сырости, снега, дождя), то-есть тех факторов, которые разрушают даже горные породы и могут быть наблюдаемы в любой местности с подходящими для этого природными условиями.

В Средней Азии частые сейсмические явления также вносят свою долю в разрушительную работу стихийных сил природы. С этой точки

зрения скорее нужно удивляться тому, что такие памятники, как так называемый Кырк-Кыз, многочисленные крепости и другие сооружения, пережившие в ряде случаев тысячелетнее существование, донесли до наших времен свой облик настолько, что предоставляют исследователю возможность изучать их планы, конструкции и даже орнаментацию.

В качестве защиты зданий от сейсмических явлений и от проникновения сырости наряду с другими мерами можно отметить применение камыша в слоях разной толщины, прокладываемого в нижней части стен здания. Этот прием до сих пор употребляется народными строителями. При этом упругая прокладка из камыша в различных районах Средней Азии, служащая одновременно гидроизоляционным слоем, укладывается на несколько рядов жженого кирпича или булыжного камня и способствует погашению сейсмических волн. Камышовая прослойка во избежание гниения должна проветриваться, поэтому ее укладка всегда ведется выше уровня земли.

В мавзолее Тюрябек-ханым (Куня-Ургенч, XIV век) по всему периметру здания проложен в два ряда чисто отесанный песчаник, образующий снаружи и внутри цоколь, принимающий на себя все выступы и лопатки и служащий антисейсмическим поясом.

В мечети Файзабад (1598—1599) основание под все здание (на высоту 60 см) выполнено из песчаника, камни которого в один ряд проходят на уровне цоколя. Над ними уложен слой алебаstra в 2 см, а выше слой камыша в 3 см толщиной. Однако песчаник в этом здании представляет собой лишь наружную облицовку толщиной в 30—40 см, которая не совсем понятна под кирпичными столбами этой мечети. Сплошные плиты под эти мощные устои были бы конструктивнее [33]. Ниже, под песчаником проходит кирпичная кладка.

По имеющимся данным (главным образом памятники от XVI столетия), строители Бухары боролись с сейсмическими явлениями, с проникновением сырости и соли в стены зданий не только введением в их конструкцию камыша, но и устройством под зданием своего рода ростверка. То же самое наблюдается и в Хиве.

Мечеть Балянд в Бухаре (XVI век) стоит на возвышении, обложенном тесаным известковым камнем. В нижней части стен с обеих сторон проложен деревянный ростверк из отесанных на 4 канта брусьев (18×18 см), соединенных между собой железными коваными скобами [34].

В мечети Халифа-Худайдод (XVIII век), вокруг всего здания на уровне пола лежит мауерлат (18×18 см), связанный железными скобами [35].

В медресе Диван-Беги (Бухара, XVII век), вокруг всего двора и стен снаружи и внутри проложены деревянные лежни (отесанные на 4 канта брусья 18×18 см) в два ряда [36].

Примеры можно было бы умножить. При этом следует отметить, что конструкция, которую мы назвали ростверком, встречается только в относительно более поздних памятниках. Такого устройства нет в Бухаре ни в мавзолеях XIII и XIV веков, например, Буян-Кули-хана (XIV век), Сайфиддина Бохарзи (конец XIII и начало XIV веков), ни в мазаре Чашма Айюб, не говоря уже о более ранних памятниках. То же самое наблюдение относится и к Хиве.

Н. М. Бачинский устанавливает антисейсмическую роль глиняных подушек под подошвой фундаментов, которые он обнаруживает в мо-

нументальных постройках Средней Азии X—XVII веков. В целях смягчения сейсмических толчков на скальном грунте отрывались котлованы, заполняемые песком и землей, как, например, это имеет место в мавзолее Чупан-Ата, близ Самарканда [37].

Описанные выше устройства оснований слишком немногочисленны и даже случайны, чтобы можно было сделать из их изучения какие-либо обобщающие выводы.

Все случаи фундаментов в приведенных примерах не затрагивают такой важнейшей стороны дела, как свойства местных грунтов.

Кроме того, остаются неизвестными нагрузки от самих сооружений на грунт. Это также лишает возможности подойти аналитически к каждому из приведенных выше примеров и затрудняет конкретные суммирующие выводы по основаниям зданий.

Нужно надеяться, что эта сторона строительства (специфика местного грунта и местной гидрогеологии) послужит предметом специальных исследований, так как она представляет значительный интерес для современных промышленных и гражданских построек, ведущихся в разных пунктах Средней Азии.

Настоящее краткое описание некоторых фундаментных устройств среднеазиатских памятников архитектуры преследовало более скромные задачи: в общих чертах наметить тенденцию местного многовекового строительства в такой важной области, как конструкции основания зданий.

Что же здесь в общем можно отметить?

Свойства грунта — лесса, преобладающего во всех культурных местностях Узбекистана, умело использовались в старом строительстве, причем имеется много примеров такого опыта, который в ряде случаев не потерял значения и до сих пор. Это относится, главным образом, к домонгольскому строительству и притом глиняному, которое, очевидно, было до тонкости изучено народными мастерами и имело свою длинную историю. Старые строения тут говорят сами за себя, просуществовав века и сохранив до нашего времени секрет своего долготлетия. Секрет этот прост и, казалось бы, легко мог быть воспринят современной стройкой в том случае, если она имеет дело с глинобитной стеной, сырцом и другими подобными материалами. Но на самом деле те приемы, какие практиковались когда-то, сейчас почему-то забыты, или взяты под подозрение.

Речь идет о фундаментах. При старых стройках учитывались свойства и глиняного материала, и грунта.

Огромную роль играло не самое основание здания, а прежде всего условия его постановки, охраны от воды и солончака — главных врагов лесса. Этими условиями в наше время иногда пренебрегают, отдавая преимущественное внимание устройству самого фундамента. Опыт изученного местного строительства показывает, что главное значение имели именно эти условия, и при благоприятном решении их здания облегченного типа (то-есть жилое строительство) могли быть возводимы без замысловатого устройства фундаментов.

Сохранились также монументальные глинобитные сооружения, где вся нагрузка распределялась только на мощные стены. Нам представляется, что современному строителю, конечно, не следует пренебрегать опытом и таких сооружений [38].

В зданиях более позднего времени строительства с применением жженого кирпича положение, конечно, меняется.

Стены под монументальную постройку можно было делать относительно более тонкими, вместе с тем нагрузка здания распределялась на меньшую площадь, что вызвало заботу о подземных устройствах стены. С этого времени фундамент, как показывают приведенные выше примеры, начинает приобретать значение важной конструкции.

Но усилия строителя здесь направлены скорее в сторону обеспечения здания крепким, надежным основанием, чем к уширению подошвы его, могущему способствовать более выгодному распределению нагрузок. Эта особенность местных фундаментов еще ждет своего аналитического объяснения и поверочных расчетов. Следует отметить, что в старые эпохи был известен и своеобразный фундамент, суживающийся к подошве (мавзолей султана Санджара).

Отсутствие во всех изученных нами зданиях отчетливого цокольного уширения объединяет все архитектурные памятники Средней Азии и находит определенное выражение в их архитектурном решении.

Заслуживает внимания состав раствора кладки фундаментов, где превалирует алебастр, часто представляя собой самостоятельный слой и являя упругую эластичную подушку, податливо реагирующую на сейсмические усилия.

В эпоху Тимура в архитектуру входят колоссальные объемы сооружений, которые соответственно увеличивают нагрузку на грунт. Давление на основание достигает здесь больших величин, превосходя $3 \text{ кг на } 1 \text{ см}^2$, что составляет критическую нагрузку на лес и лессовидные грунты.

Можно сказать, что укрупненное строительство тимуровской эпохи заставляет строителей неподготовленными и невооруженными к конструированию новых грандиозных сооружений.

Конструктивное чутье (за отсутствием методов точного расчета) с позднейшими временами все больше и больше терялось.

Это подтверждается тем, что глубокие заложения (отчасти обусловленные и культурными слоями, которые, несомненно, имели место уже и в старые времена) и чрезмерные обрезы фундаментов (у наиболее массивных частей здания, например, пилонов) не выполняют роли массивов, или подстилающих подушек, что могло хотя бы частично оправдать их размеры. Именно в подземных частях сооружений мы нередко видим плохо перевязанную кладку из кирпича, наброску из булыжного камня и гальки, кладку из рваного камня на слабых связующих растворах, а иногда и без них. Можно сказать, что строителями в этих случаях руководило не стремление создать незыблемую опору под здание, а скорее лишь желание уплотнить грунт. Несомненно, что главной причиной выхода из строя и превращения в руины ряда архитектурных памятников Средней Азии являются землетрясения, против которых применяемые в некоторых случаях примитивные конструкции оказываются мало действительными.

Статическим расчетам среднеазиатские памятники не подвергались, но по своей структуре все эти сооружения во многих случаях не вызывают опасения в отношении своей сейсмической устойчивости.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В начале 30-х годов Среднеазиатское отделение Всесоюзного научно-исследовательского института гражданских, промышленных и инженерных сооружений (САОВИС) ввело в программу работ «детальное изучение конструкций фундаментов (исторических памятников) и восстановление для них расчетов, соответствующих как первоначальному, так и современному их состоянию». САОВИС считал, что это изучение представляет «актуальный интерес для фундаментостроения в Средней Азии». Однако это начинание было осуществлено далеко не полностью, и наши сведения об устройстве оснований и в настоящее время остаются отрывочными и разноречивыми.

2. А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. Вестник древней истории. 1917. В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1931, стр. 12, 17.

3. Плетенка из камыша.

4. Комья глины, сделанные вручную.

5. В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище. Советская этнография. 1949, № 2, стр. 65.

6. Например, во временной инструкции САОВИС (составитель Н. Г. Мальчиковский) рекомендуется при возведении фундаментов на лессовых грунтах «обильное замачивание котлованов в течение двух недель». (№ 19, 28).

7. С. П. Толстов. Древний Хорезм. Москва, 1948, стр. 105—107, 128.

8. А. И. Васильев. Согдийский замок на горе Муг. Согдийский сборник. Ленинград, 1934.

9. В. Л. Воронина. Приемы строительной техники доарабского периода в Средней Азии. Краткие сообщения Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра. XXVIII.

10. Л. Н. Воронин.

11. Первое сообщение об этом памятнике имеется в отчете профессора А. Ю. Якубовского об экспедиции 1934 года в Зеравшанскую долину. (Труды отдела Востока Эрмитажа, т. II, стр. 133—142), где помещены план и фото мечети. Сведения о фундаментах получены В. Л. Ворониной и С. К. Кабановым.

12. Данные раскопок, производившихся летом 1939 года под руководством Б. Н. Засыпкина.

13. Л. Н. Воронин.

14. Г. Н. Максимов.

15. Архитектурные памятники Туркмении. Москва — Ашхабад. 1939, стр. 17, 25.

16. В. А. Шишкин. Мечеть Магаки-Аттари в Бухаре. Труды Академии Наук УССР, т. I, Ташкент, 1948.

17. М. Е. Массон. Краткое сообщение о результатах исследования фундаментов мавзолея «Ходжа Ахмада» в группе Шах-и-Зинда в Самарканде в 1922 году. Известия Туркестанского отделения русского географического общества. 1924, т. XVII, стр. 159.

18. Работа велась под руководством Б. Н. Засыпкина. Хотя земляных работ в этой части Шах-и-Зинда не производилось, кроме небольшой работы у мавзолея Амир-заде, но приподнятость всей южной группы заставляет обобщить наблюдения над упомянутым мавзолеем и на все ближайшие. Сделанное предположение тем более вероятно, что «все эти мавзолеи за исключением многогранного, судя по датам смерти похороненных в них лиц, построены, вероятно, на протяжении полутора десятков лет в первой половине правления Тимура» (В. Вяткин. Памятники древностей Самарканда. Самарканд, 1933, стр. 23).

19. С. К. Кабанов. Бухарский комитет по охране памятников старины и искусства.

20. М. Е. Массон. Мавзолей Ходжа-Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930, стр. 13. Сейчас культурной слой достигает 0,90—1,10 м. Мавзолеем начат постройкой в самом конце XIV века (1397). Достраивался в XIV веке (с уровня граненых частей минаретов). В декабре 1939 г. Б. Н. Засыпкиным были сделаны шурфы по периметру здания как снаружи, так и внутри в целях работ по укреплению мавзолея, обнаруживающего в некоторых частях (главным образом северо-западный угол) деформации. Данные М. Е. Массона при этом подтвердились, так как башни и стены оказались основанными на легком слое бута. Подошва фундаментов ниже древнего пола всего на 38—50 см. У западного (главного) портала заложения фундамента значительно (170—185 см). Западная опорная стена имеет ровную кирпичную кладку (170—185 см), ниже которой идет выступ 0,35 м в 5 рядов кирпича (0,34 м) и под ним кладка рваным камнем и булыжником. В углах стены бутовая кладка кирпичом достигает 3,59 м,

причем значительно расширяется в углу в обе стороны, в особенности к востоку: точных границ этого расширения не установлено, но оно превышает 1 м. Восточная сторона стены имеет ровную кирпичную кладку 1,7—1,8 м и только на углу ниже имеет выступ на 8 см в три ряда кирпича. Начиная от внутреннего угла, имеется подбутка булыжником на глубину 0,4—0,5 м к наружному углу, достигающая 0,8 м. Расширения за пределы, как это выяснено для противоположного угла, здесь не имеется. (Акт от 18—26 декабря 1936 года, составленный Б. Н. Засыпкиным и проработом И. З. Поляковым.)

Подробная выписка из акта приводится, как единственная, дающая картину фундаментов архитектурного памятника как под стенами, так и под более ответственной частью здания — порталом.

21. М. Е. Массон. Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами... Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Ташкент, т. I, 1926, стр. 89—90. Чертежи № 10, 11, 18.

22. В. А. Шишкин.

23. Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.

24. Взятые в кавычки — высказывания В. Д. Вяткина. (Памятники древностей Самарканда. Самарканд, 1933, стр. 16.).

25. Заведующий Бухарским комитетом по охране памятников старины Закиров.

26. Бухарский комитет по охране памятников старины и искусства.

27. В. А. Шишкин. Не вызвано ли это оседанием стены? (Л. В.).

28. Бухарский комитет по охране памятников старины и искусства.

29. Ш. Ратия, Л. Воронин. Мавзолей Барак-хан. «Архитектура СССР», 1936, № 11.

30. Гидравлический раствор особого состава, применявшийся среднеазиатскими строителями с древних времен.

31. Грубый алебастровый помол с землей.

32. М. Ф. Мауер.

33—36. Л. Н. Воронин.

37. Н. М. Бачинский. Антисейсмика в архитектурных памятниках Средней Азии. Москва — Ленинград, 1949, стр. 16, 22.

38. Л. Н. Воронин. О местных удешевленных конструкциях в Средней Азии. «Строительная промышленность», 1928, № 10, кажется, единственная работа о бесфундаментном строительстве. Данные работы в свое время вошли в проект норм САОВИС'а.

Е. А. Давидович

АРХЕОЛОГ

К ДАТИРОВКЕ МЕЧЕТИ ХОДЖА ЗАЙНЕДДИНА В БУХАРЕ

Бухара XVI века оставила очень много интересных архитектурных сооружений, среди которых одно из первых мест принадлежит мечети Ходжа Зайнеддина и мечети Баянд. Оба памятника особенно выделяются богатством своего декоративного убранства, ставящего их в число первоклассных сооружений среднеазиатской архитектуры.

Внутренность мечети Ходжа Зайнеддина сплошь украшена изразцовой мозаикой и росписями. Тончайшие и сложнейшие растительные узоры, выполненные в технике «кундаль», покрывают стены, паруса и купол здания. Впечатление роскоши и богатства увеличивается применением сталактитов и разбивкой купола на отдельные декоративные пояса и плоскости. В изразцовой панели, занимающей нижние части стен, используются разнообразные цвета глазурей. Отдельные панно этой панели варьируют различные геометрические и растительные орнаменты [1].

Крупнейший специалист по искусству Средней Азии Б. П. Денике считал мечеть Ходжа Зайнеддина одним из наиболее интересных памятников Бухары. Первоклассное значение его декора отмечают и другие исследователи.

Вместе с тем, этот интереснейший памятник не только не имеет точной даты сооружения, но даже не выяснены более или менее суженные хронологические пределы, в которых он мог быть построен.

В. А. Шишкин относит мечеть Ходжа Зайнеддина и сходную с ней в декоративном отношении мечеть Баянд к постройкам эпохи Абдулла-хана II, подчеркивая даже, что исполнителями великолепной декорации мечети Ходжа Зайнеддина были умелые абдуллахановские мастера [2].

Б. П. Денике также датирует мечеть Ходжа Зайнеддина второй половиной XVI века, но зато мечеть Баянд, на основании стилистического сходства ее изразцового михраба с михрабом мечети Калян, он относит к более раннему времени, к середине XVI века, что очень интересно в свете новых данных.

Эпохой Абдулла-хана в истории Средней Азии XVI века по праву можно считать длительный период, начиная с того времени, когда он в мае 1557 года овладел Бухарой, а затем постепенно, в результате борьбы с другими султанами и остальными тремя крупнейшими уделами — Балхом (981—1573), Самаркандом (986—1578) и Ташкентом (990—1582), объединил все государство шейбанидов. Формально во главе государства в это время стояли сначала дядя Абдулла-хана — Пир-Мухаммед-хан, а затем его отец — Искандер-хан. Это обстоятельство объяснялось глубоко укоренившейся традицией — выбирать хаканом старшего в роде, с чем Абдулла-хану II несомненно приходилось считаться [3].

Время правления Абдулла-хана II (сначала лишь Бухарским уделом, а позже всем государством) совпадает с определенными, характерными для этого периода изменениями, происшедшими в зодчестве Средней Азии.

Предстоит еще выяснить, когда наметились все эти новые явления, отмечаемые специалистами, но во всяком случае, в последней трети XVI века они уже четко сказываются, примером чего может служить маленькое медресе Гаукушан в Бухаре, являющееся, по мнению Шишкина, одним из ранних памятников этой эпохи [4].

И именно в силу того, что под «эпохой Абдулла-хана» в истории среднеазиатской архитектуры понимают отнюдь не просто хронологический период, для ее еще далеко не завершенной характеристики особенно важно знать круг объектов, подлежащих изучению. Поэтому предлагаемые данные к датировке мечети Ходжа Зайнеддина получают двойную значимость: они не только уточняют эту датировку, но и вводят памятник в совершенно другой период зодчества Средней Азии.

Эти данные, касающиеся мечети Ходжа Зайнеддина, дает топонимика Бухары XVI века. В юридических документах, фиксирующих куплю-продажу недвижимого имущества, обычно довольно подробно описываются местоположение и границы соответствующего дома, двора, участка земли и т. д. Среди документов XVI века в таких описаниях встречается несколько упоминаний, связанных с именем Ходжи Зайнеддина.

Все документы касаются покупки недвижимости у разных лиц джуйбарскими шейхами (сначала Ходжа Мухаммед Исламом, известным как Ходжа Джуйбари, и затем его сыном Ходжа Садом, известным как Ходжа Калян). Один документ упоминает махаллу Ходжа Зайнеддина внутри старого хисара Бухары. В этой махалле находится двор, проданный 15 раджаба 961 г. х. (июнь 1554) [5]. Другая группа документов упоминает квартал (куй) хауза Ходжа Зайнеддина внутри старого хисара Бухары. Документы, фиксирующие продажу недвижимого имущества (домов и прочее), находившегося в этом квартале, составлены соответственно:

документ № 96—26 мухаррама 959 г. х. (январь 1552);

документ № 77—10 раджаба 961 г. х. (апрель 1554);

документ № 64—21 шавваля 971 г. х. (апрель 1568);

документ № 70—27 шавваля 975 г. х. (апрель 1568) [6].

И, наконец, третья группа документов упоминает квартал мечети Ходжа Зайнеддина, также внутри старого хисара Бухары. Документ № 68 составлен 9 шабана 962 г. х. (июнь 1555) и фиксирует продажу

двора в этом квартале. Другой документ № 95 — более поздний, относится уже к 19 шаввала 976 г. х. (апрель 1569) и также оформляет продажу двора в этом квартале [7].

Наименование кварталов по каким-либо сооружениям, в них находящимся, обычное явление для Средней Азии. А конкретно для XVI века этот способ наименования кварталов свидетельствуется разнообразными письменными источниками, причем, судя по документам, особенно часто и охотно кварталы назывались по имени мечетей. Естественно, что такой способ наименования городских административных единиц подразумевает существование соответствующих сооружений.

Мечеть и хауз Ходжа Зайнеддина, упомянутые каждый в нескольких документах и всегда внутри старого хисара Бухары, существовали, следовательно, в те годы, которыми датируются эти документы.

Поздние даты — 1568 и 1569 годы — говорят о том, что в эпоху Абдулла-хана эти памятники действительно уже функционировали, однако, время построения следует определять ранними деталями, дающими самую позднюю из возможных верхних границ датировки этих сооружений. Наиболее раннее из приведенных в документах упоминаний касается хауза Ходжа Зайнеддина. Однако из этого не следует, что хауз был построен раньше мечети, так как документы дают самостоятельные наименования двум разным кварталам (это видно из почти одновременных упоминаний обоих кварталов и не вызывает как будто сомнений, так как мечеть и хауз и теперь отделены друг от друга проходом — улицей).

Нет оснований думать, что в комплексе мечети-хауза последний был построен раньше, поэтому можно быть уверенным, что в 1552 году уже существовали оба памятника. Но даже если брать самостоятельное раннее упоминание мечети в 1555 году как совершенно достоверное, то и эта дата выводит мечеть за хронологические рамки правления Абдулла-хана II, который лишь через два года, в 1557 году, овладел Бухарой.

Таким образом, мечеть Ходжа Зайнеддина, построенная до 1555 года и функционировавшая в Бухаре до Абдулла-хана, менее всего может быть относима к группе памятников «эпохи Абдулла-хана».

Зафиксированное документами существование мечети-хауза Ходжа Зайнеддина в самой середине XVI века (1552—1555), при учете достаточно медленных темпов среднеазиатского строительства, отнимающего в лучшем случае несколько лет, делает несомненным принадлежность этого комплекса к первой половине XVI века, что как нельзя лучше соответствует художественному стилю декора самой мечети.

*Мечеть Ходжа Зайнеддина.
Общий вид*

В этом отношении представляет интерес то обстоятельство, что Б. П. Денике отодвинул датировку В. А. Шишкина по отношению к мечети Баянд и датировал ее не эпохой Абдулла-хана II, как это делал Шишкин, а серединой XVI века.

Теперь же, на основании уточненной датировки мечети Ходжа Зайнеддина, датой сооружения мечети Баянд можно, по всей вероятности, считать ту же первую половину XVI века, ибо несомненно, что близкие друг другу в стилистическом отношении обе эти мечети являются созданием одной эпохи и одних художественных традиций, восходящих еще к позднетимуридскому и раннешеибанидскому зодчеству.

Любопытно, что ныне функционирующий хауз Ходжа-Зайнеддина оказался одним из древнейших сохранившихся в Средней Азии хаузов. Несомненно, хауз неоднократно ремонтировался, и без специальных работ трудно судить, соответствует ли его теперешний вид хаузу первой половины XVI века.

Сейчас в юго-восточном углу хауза имеется очень интересный мраморный водослив (сделан в 1913 году). Водослив этот сделан в форме фантастического животного, из раскрытой пасти которого выливается вода. Местное население называет животное аждахором (драконом). Представление об аждахоре — большой древности, причем в глубине веков наблюдается несомненная связь его с водой. Смысл и сущность этой связи теперь почти забыты, и старики уже не могут объяснить, почему собственно водослив сделан в виде фантастического зверя.

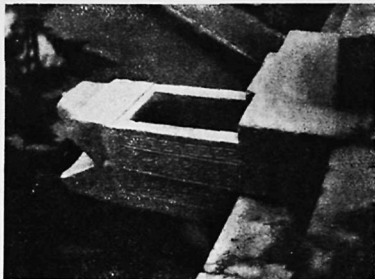
Древнейшие иконографические воплощения аждахора в Средней Азии пока неизвестны, поэтому образ аждахора на водосливе хауза Ходжа Зайнеддина весьма интересен, передавая, возможно, форму, восходящую к древнейшим образцам, и подчеркивая, что бытовавшие в Средней Азии в эпоху средневековья изображения дракона в китайском стиле не были единственными, а наряду с ними существовала более древняя, не привнесенная извне форма изображения этого чудовища.

В связи с упоминанием в документах местоположения мечети и хауза Ходжа Зайнеддина, расположенных, как подчеркивается во всех документах, внутри «старого хисара» Бухары, встает вопрос о границах этой части города и об ее соотношении с другими частями.

В документах XVI века при определении границ дома, земельного участка или иной недвижимости обязательно отмечается, в какой части города эта недвижимость находилась, при этом употреблялось три термина: «арк», «старый хисар» Бухары и «новый хисар» Бухары. «Арк» фигурировал редко и лишь в тех случаях, когда описываемая недвижимость каким-либо образом примыкала к нему. Наоборот, два последние термина служили непосредственно для территориальной характеристики недвижимого имущества. При этом термин «новый хисар» Бухары встречается довольно редко и, по всем известным нам документам, только в тех случаях, когда объект определения располагался вне этого «нового хисара».

М. Е. Массон в специальном курсе по исторической топографии Бухары, читанном в 1947 году на кафедре археологии Средней Азии Среднеазиатского Государственного университета отмечал, что под «новым хисаром» нужно понимать город в пределах новых стен, выведенных по приказу Абд-ал-Азиз хана и охвативших значительно большую территорию, чем прежние городские стены. Это подтверждается и наши-

ми документами, так как земельные участки (являющиеся объектами купли-продажи) вне «нового хисара» Бухары описываются лежащими не в каком-либо квартале, улице или иной городской административно-территориальной единице, а в мауза (местности). При этом границы их обычно примыкали к таким же земельным участкам или общественным дорогам, ведущим в ряде случаев в другие области страны. По одному из документов, продаваемая земля, на-

*Водослив хауза близ мечети
Ходжа Зайнеддина*

пример, граничила одной из сторон с новым городским рвом Бухары^[3]. Все это подчеркивает то, что территория вне «нового хисара» Бухары являлась примыкающей к городу сельской местностью, расположенной за новой городской стеной и за новым рвом города.

Особенно часто в документах фигурирует термин «старый хисар», причем по отношению к нему определяются не только те объекты, которые находились внутри него, но и все прочие в пределах города (то-есть находящиеся собственно уже внутри «нового хисара».

При этом об объектах, находящихся внутри «нового хисара», предпочитали писать, что они располагаются вне «старого хисара». Это обстоятельство подчеркивает то, что границы «старого хисара» были четко известны населению и проходили вместе с тем внутри «нового хисара», разделяя город в целом на две части.

К сожалению, эти границы «старого хисара» до сих пор не определены. Проще всего было бы предположить, что «старый хисар» территориально совпадает либо с древним шахристаном Бухары, либо с площадью города в целом внутри старых доабдалазизовских стен рабада. Это могло бы дать основания называть «новыми» добавочные территории, включенные в городскую черту стеной Абд-ал-Азиза, а остальные территории «старыми», ибо обе эти части в XVI веке — и бывший шахристан, и старый рабад могли иметь достаточно четкие и понятные населению границы, в отношении которых удобно было ориентировать всякие территориальные определения.

Однако, оба эти предположения опровергаются документами (васика и вакфнам), по которым можно заключить, что «старый хисар» территориально был больше шахристана (включая последний), но меньше города в целом в пределах старых стен.

Например, по документам внутри «старого хисара» Бухары находятся медресе Улугбека, медресе Мири-Араб, чарсу Заргарон. Все сооруже-

ния расположены на территории бывшего шахристана, почему последний должен считаться составной частью «старого хисара». Но вместе с тем внутри «старого хисара» упоминается также мечеть и хауз Ходжа Зайнеддина, которые располагаются вне средневекового шахристана, к юго-западу от него, тем самым расширяя пределы «старого хисара» на запад за границы шахристана.

Предположение о совпадении «старого хисара» с территорией, лежащей внутри старых городских стен, опровергается еще большим количеством данных. Так, в документах упоминается ряд сооружений, которые, несомненно, расположены внутри старой городской стены. По документам же эти сооружения значатся находящимися вне «старого хисара». Сюда относятся медресе Гаукушан в одноименном квартале, чарсу Саррафон с целым комплексом разных одноименных построек (мостом, караван-сараем, мечетью), мечеть Магок, весь Регистан, Хиябан и т. д.

Таким образом, границы «старого хисара» в южную сторону распространялись не дальше линии, отмечаемой памятниками чарсу Саррафон и медресе Гаукушан и может быть даже (хотя пока нет для этого утверждения достаточных данных) совпадали с границами бывшего шахристана. С западной стороны «старый хисар» явно выходил за пределы шахристана, причем граница его проходила где-то между линией, отмечаемой Арком-Регистаном-Хиябаном, с одной стороны, и комплексом мечети-хауза Ходжа Зайнеддина — с другой. Если согласиться с предположением Массона, что «старый хисар» XVI века территориально совпадал, вероятно, с хисаром XV века, то приведенные факты дадут тем самым определенные указания на территориальные пределы, в которых заключались южная и западная границы этого хисара XV века.

Таким образом, документы, позволившие изменить и уточнить датировку мечети Ходжа Зайнеддина, вместе с тем дали кое-что и для познания исторической топографии Бухары XVI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939, стр. 188, 210.
2. Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936, стр. 64—67.
3. До своего провозглашения Абдулла-хан II соблюдал внешние знаки покорности хакану, выражавшиеся, в частности, в чеканке серебряных монет от имени последнего. И даже тогда, когда он подавил всех своих сильных соперников, Абдулла-хан, чувствуя незаконность своего провозглашения, чеканил серебро одновременно и от имени отца и от своего имени. После смерти отца он не стал дожидаться совета султанов, ограничившись наличием числом покорных ему подданных.
4. Шишкин В. А. Цитированная работа. Стр. 60.
5. Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI века. М.—Л., 1938, т. I. Там же, документ № 87, стр. 121.
6. Там же. Стр. 90, 99, 110, 130.
7. Там же. Стр. 97, 129.
8. Там же. Док. № 116, 205, 241, 255 и др.

В. М. Дмитриев
КАНДИДАТ АРХИТЕКТУРЫ

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ БУХАРСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

Изучение древней архитектуры Узбекистана показывает наличие в ней отдельных периодов, существенно отличающихся друг от друга применяемыми материалами, архитектурно-строительными приемами и композиционными особенностями.

Дальнейшее исследование указывает на конкретную связь стилистической эволюции зодчества при переходе от одного периода к другому с теми социальными изменениями, которые имели место на всем протяжении истории страны, с историческим развитием народностей, принимавших участие в формировании и развитии архитектуры Узбекистана.

Буржуазная наука до последнего времени рассматривает архитектуру стран, подвергшихся в свое время арабскому завоеванию, как некое единое целое, как так называемую «мусульманскую» архитектуру, которая объединяется признаками, на самом деле ничего не определяющими. Эти признаки сводятся к утверждению отсутствия в так называемой «мусульманской» архитектуре тектонических начал и стройных систем, характерных, якобы, только для стилей европейских стран, стилей классических, возрождавших в разные времена архитектурные идеи классики.

Этот в корне ошибочный буржуазный лженаучный подход к изучению архитектуры, рассматриваемой вне ее связи с исторической эпохой, территорией и присущим ей национальным своеобразием, конечно, не случаен и вытекает из тех реакционных идеалистических концепций, на которых основывается современная буржуазная наука.

К сожалению эти, если можно так выразиться, «естественные» для буржуазной науки взгляды разделяются и некоторыми советскими исследователями и, в частности, Н. Бруновым, который в своей книге «Очерки по истории архитектуры» (т. I, стр. 312) приходит к сомнительным выводам о том, что «архитектура Ислама... сводит на-нет основную идею греческого ордера и означает возвращение архитектурного мышления на ступень доордерной, догреческой восточно-деспотической архитектуры».

Подобные высказывания, характеризующие великолепную, своеобразную, самобытную национальную архитектуру наших среднеазиатских республик как часть некой безличной на самом деле не существующей «мусульманской» архитектуры, или «архитектуры Ислама», при этом оцениваемой как низшая ступень архитектурного мышления, несомненно ошибочны и лишены всякой научной убедительности.

Классический ордер, идущий от античной архитектуры, в XVI веке представлял собой одну из наиболее разработанных архитектурных систем (стоечно-балочную). Глубокая разработка этой разновидности архитектурной системы привела ее к высокому эстетическому выражению.

Однако архитектура знает и другие тектонические системы, меньшая степень разработки которых вовсе не означает их несостоятельности.

В числе этих систем можно назвать: стеновую, купольно-арочную (Рим, Византия, страны Востока, романская и готическая архитектура), пространственную (созданную на основе применения разных конструкций с заполнением) и т. д.

Архитектурное наследие, сохранившееся на территории Узбекистана, будучи основано в монументальных образцах на купольно-арочной тектонической системе, имеет свои закономерности, порожденные специфическими местными социально-экономическими, историческими, природными и национальными особенностями.

Интересными примерами, обогащающими наше представление об архитектуре узбекского народа и передающими своеобразие эстетических представлений своей эпохи могут служить некоторые памятники Бухары, относящиеся к концу XVI века, который по сравнению с предшествующим ему периодом (XIV и XV века) в некоторых исследованиях принято считать началом архитектурного упадка.

Анализ бухарской архитектуры конца XVI века, почти не нашедший места в научных исследованиях, представляет интерес не только тем, что при его помощи могут быть установлены новые композиционные и конструктивные приемы архитектуры XVI века, но и тем, что при этом могут быть вскрыты новые художественные и идеологические концепции, характерные для периода образования узбекского государства.

Как уже отмечалось, период архитектуры XVI века в ряде исследований характеризуется снижением мастерства декоративной отделки, а также качества самого строительства. В книге «Архитектурные памятники Бухары» В. А. Шишкин пишет (стр. 61): «Но все же, несмотря на явный технический упадок керамических облицовок, чистота и блеск глазурей, глубина и ясность тонов, сложный и уверенно нарисованный орнамент доказывают, что старые навыки и секреты производства у мастеров того времени были налицо и лишь воля заказчиков — феодалов нового склада, гнавшихся в первую очередь за масштабом построек, заставляла их перейти к этому типу облицовки менее блестящей, но более дешевой. Стремление строить быстро и дешево сказалось на памятниках эпохи Абдулла-хана не только в декорациях, само техническое выполнение зданий далеко не стоит на прежней высоте».

В XVI веке после падения тимуридского государства со столицей в Самарканде, организуется государство узбеков под руководством династии шейбанидов, при котором политическим и культурным центром становится Бухара. За периодами государственного объединения во времена правления Шейбани-хана (1500—1510) и его племянника Убайдулла-

Купол Токи-Заргарон

хана (1533—1539) последовал период длительных феодальных войн между шейбанидскими удельными правителями.

Во второй половине XVI века шейбанидский правитель Абдулла-хан (1557—1598), стремясь приостановить усиливающийся распад феодального государства, твердой рукой постепенно объединяет отдельные удельные владения под эгидой Бухары, которая приобретает значение политического и культурного центра. В городе развивается интенсивное строительство многочисленных медресе, мечетей, хонако дервишей, чьи корпорации получают в это время большую политическую силу. Новое государственное образование Абдулла-хана, опиравшегося на феодальную верхушку и привлечшего к себе духовенство и купечество, сопровождалось жестокой эксплуатацией трудового населения, несшего на себе все тяготы расходов по огромному новому строительству, направленному на поощрение духовенства и торгово-эксплуататорских слоев населения.

В результате расцвета торгово-ремесленной жизни Бухары и с появлением в связи с этим практических взглядов на архитектуру в период Абдулла-хана строится большое число зданий светского и утилитарного назначения: крытые рынки, торговые купола, бани, караван-саран, водохранилища, мосты и т. д.

Значительный размах строительства сказывается и на характере архитектуры, которая приобретает дух рационализма. Последний проявляется не только в создании новых конструктивных и декоративных приемов, но, что более существенно, в появлении новых композиционных идей, порывающих с устойчивыми традициями прошлого, ограниченными фронтальным восприятием архитектурного сооружения. Эти особенности изучаемого периода характеризуют его как эпоху дальнейшего развития архитектурной мысли.

Таким образом, исследование бухарской архитектуры конца XVI века представляет значительный интерес не только в силу слабой изученности этого периода, но и с точки зрения сомнительности его характеристики как начала архитектурного упадка, якобы непосредственно следовавшего за расцветом архитектуры в XVI и XV веках. Кроме того, нужно учесть, что архитектурный облик современной Бухары сложился в основном именно в этот период. Ограничение же обзора памятников конца XVI века бухарским оазисом объясняется тем определяющим архитектурным значением Бухары, которое соответствовало в этот период ее политическому и экономическому значению как столицы государства шейбанидов, подобно тому, как столица государства Тимура и тимуридов — Самарканд определял основной характер архитектуры в предшествующий период.

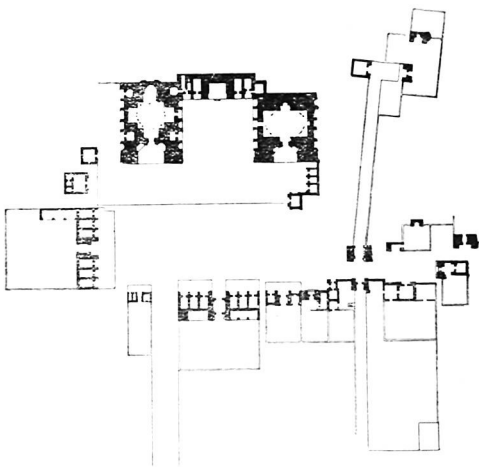
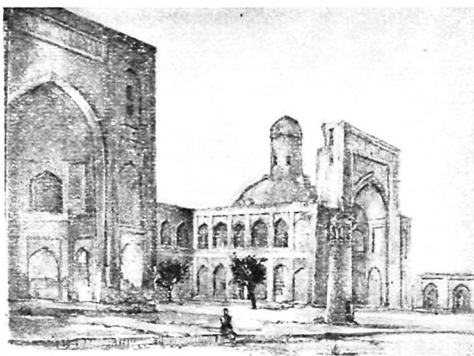
Конструктивными приемами и приемами отделки, характерными для изучаемого нами периода, являются:

1. В области конструкций: а) широкое применение системы пересекающихся арок, появившихся впервые в XV веке для возведения купольных перекрытий, взамен прежней системы тромпов, применявшейся при Тимуре. Например, базарные купола, намазго; б) применение в строительстве стандартного жженого кирпича, превышающего размер плоских кирпичей предыдущих периодов, что упрощало строительный процесс, в соответствии с требованиями широко развернувшегося строительства.

2. В области декоративной отделки зданий — замена кропотливого и невероятно трудоемкого способа наборной мозаики «кашин» «абдуллахановской» майоликовой плиткой размерами около 25×25 см. Последняя уступала по чистоте тонов тимуридским мозаикам, но более соответствовала рациональным взглядам на характер наружной облицовки зданий, так как в этом случае сдержанный и простой в выполнении прием отделки способствовал лучшему и более цельному восприятию архитектуры, освободившейся от роскошной одежды, нередко затемнявшей сущность сооружения.

Одним из аргументов, привлекаемых в качестве доказательства упадка архитектуры рассматриваемого периода, служит их слабая сохранность, которая объясняется якобы имевшим место снижением строительной культуры. (См. книгу В. А. Шишкина «Архитектурные памятники Бухары», Ташкент, 1936.)

Однако это доказательство мало убедительно, судя по таким достаточно хорошо сохранившимся памятникам, как Чор-Бакр, медресе Абдулла-хана, мечеть Балянд и ряд других, к числу которых могут быть отнесены базарные купола, функционирующие и в настоящее время после незначительного ремонта, проведенного Отделом охраны памятников архитектуры.

Ансамбль Чор-Бахр. Общий вид и генеральный план

В то же время слабая сохранность памятников тимуровского времени, даже учитывая их большую древность, едва ли доказывает превосходство строительных качеств этого периода по сравнению с периодом Абдулла-хана. По свидетельству историка, соборная мечеть Биби-ханым была опасна для посещений, так как в ней вскоре после окончания строительства сверху падали кирпичи. Кроме того, по существующим руинам этого грандиозного памятника можно установить весьма невысокое качество кладки нижних частей стен главной мечети, обнажившихся теперь, вследствие обрушения мраморных панелей, облицовывавших кирпичную кладку.

Таким образом, период установления узбекского государства шейбанидов во второй половине XVI века ни по общему размаху строительства и появлению ряда новых объектов светского назначения, ни по духу рационализма, проявившемуся в новых конструктивных и декоративных приемах, не может быть охарактеризован как период упадка архитектуры и несомненно являлся периодом дальнейшего развития местной архитектуры в послетимуридское время.

Таковы необходимые предпосылки для освещения вопроса композиционных особенностей бухарской архитектуры абдуллахановского периода, являющегося основной темой настоящего исследования.

Архитектурные принципы, лежавшие в основе композиции монументальных общественных зданий древней архитектуры Узбекистана, характеризуются устойчивыми традициями, заставляющими предполагать наличие неких твердых канонов, следование которым считалось для зодчего обязательным.

Канонические схемы композиций мазаров, мечетей и медресе тесно связаны с их назначением, обусловленным интересами феодального государства, для которого религия являлась одним из мощных средств закабаления народа. И если на протяжении многих веков (от X до XVI) мы встречаемся с малоизменяющимися схемами архитектурных композиций, рассчитанных, как правило, на фронтальное восприятие, то в памятниках XVI века намечается явный отход от ограниченности архитектурных традиций предыдущих периодов.

В самом деле, анализируя схемы медресе, этого весьма мало изменявшегося типа со времени первого из известных медресе, построенного Улугбеком в Бухаре, можно установить устойчивую композиционную систему, основанную на фронтальном восприятии.

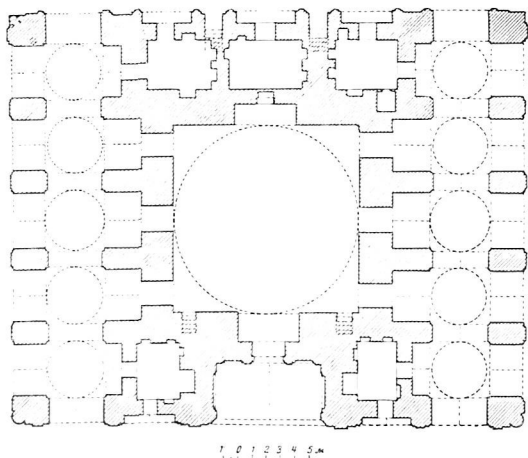
По существу, то же качество присуще и ряду других типов монументальных зданий древности — мечети, мавзолею и даже дворцу.

Постепенное раскрытие архитектурного замысла, рассчитанного на движение по центральной оси, при соблюдении строгой симметрии, характеризует многие памятники средневековой архитектуры Средней Азии.

Композиции дворовых мечетей и медресе основаны, как правило, на последовательном восприятии ряда архитектурных элементов, расположенных по основной композиционной оси главного фасада: пештака, входа, внутреннего двора, внутреннего айвана с михрабом.

Таковы схемы соборной мечети Биби-ханым в Самарканде (XIV век), медресе Улугбека в Бухаре и Самарканде (XV век), мечети Калая, медресе Мири-Араб (XVI век) и ряда других.

К указанным схемам близка и композиция дворца Ак-Сарай в Шах-прсябзе (XIV — начало XV веков).

Ханака Файзабад. Общий вид и план

Характерным признаком подобного рода композиций является декоративная обработка всех лежащих на главной оси элементов, при известном пренебрежении к боковым и задним фасадам, а также к тыльным сторонам поднимающихся над зданием порталов-пештаков.

Значительный интерес с точки зрения развития композиционных идей среднеазиатской архитектуры представляет в композициях порталных мечетей и мавзолеев тема купола и пештака, получившего гипертрофированное развитие, особенно в эпоху Тимура. Зачатки этой темы появляются в древних памятниках, как например, в мавзолее саманидов (X век), где купол, увенчивающий здание, не приходит в противоречие со скромно трактованными одинаковыми по всем четырем сторонам входами, содержащими в зачаточном виде основные элементы пештака. Особенности подобной композиции способствуют благоприятному восприятию сооружения со многих точек зрения. Такие композиции свойственны, главным образом, мавзолеям и мазарам, как например мавзолей Буян Кули-хан (XIII век), мазар Чашма-Аюб (XI век) и более поздние мавзолей Шах-и-Зинда и Гури-Мир. Однако они были использованы и в архитектуре мечетей и медресе, где тема пештака, особенно с XIV века, приобретает доминирующее значение, в соответствии со стремлениями к усилению главных фасадов.

Тема купола, полускрытого за пештаком, приходит в композиционное противоречие с последним, ярко проявляющееся в таких памятниках, как Тюрябек-ханым (XIV век, Туркмения) и многих других, где попытки поднятия купола на повышенном барабане не ослабляют впечатления двойственности, особенно усугубляющейся при боковом восприятии.

Ограниченность и декоративность композиционного построения архитектурных памятников тимуровского периода — сложные приемы покрытия зданий мозаичной одеждой, плохо связанной с конструкцией стены; уровень строительной техники, не соответствующий стремлениям к большим архитектурным масштабам, о чем свидетельствует обрушение куполов значительных сооружений этой эпохи — все это дало некоторым исследователям повод утверждать «антирационализм» и отсутствие тектоничности в монументальных памятниках Средней Азии в целом.

Выше, на примере бухарской архитектуры конца XVI века, мы попытались доказать неточность и ошибочность этих выводов.

Традиционные приемы композиции, применяемые при решении архитектуры отдельных зданий, получают распространение и в архитектуре ансамблей. Лучшим примером этого является самаркандский Регистан, по существу развивающий в огромном масштабе традиционную схему медресе, где вместо дворового пространства служит целая площадь, а вместо трех обращенных на дворовое пространство айванов высятся громадные пештаки трех зданий, образующих ансамбль площади Регистан.

Большинство известных архитектурных ансамблей древних городов Средней Азии сложилось в XVI и XVII веках. Наиболее часто встречающийся здесь прием ансамблевой застройки основан на попарном расположении зданий (нередко построенных в разные периоды) с обращением их друг к другу главными фасадами. Таковы ансамбли медресе Улугбека и медресе Абдул-Азис-хан, медресе Абдулла-хан и медресе Модери-хан, мечеть Калян и медресе Мири-Араб в Бухаре.

Намазго. Восточный и северный фасады

Однако приведенные примеры ансамблевой застройки, могущие создать впечатление ограниченности применяемого приема, вовсе не характеризуют все ансамбли древнего зодчества Средней Азии, зачастую содержащего образцы глубокого проникновения в архитектурно-пространственную композицию.

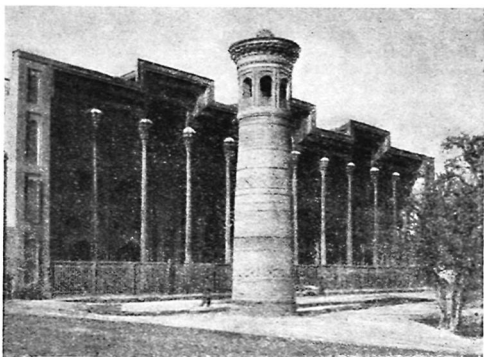
Мечеть Баянд

Понимание архитектуры как объемно-пространственного искусства, основанного на гармоничной организации отдельных элементов зданий и целых ансамблей, воспринимаемых в виде целостной объемно-пространственной композиции, наблюдается, например, в живописном ансамбле древнего самаркандского некрополя Шах-и-Зинда, в решении мавзолея Самани, мавзолея Гури-Мир и других. Характерно, что подобного рода композиции, как правило, были присущи именно мавзолеям, назначение которых предполагало постановку этих сооружений на достаточно открытых пространствах, обеспечивающих их многостороннее обозрение.

Крупнейший ансамбль Бухары, состоящий из мечети Калян, большого минарета XII века и медресе Мири-Араб, сложился в середине XVI века и характеризует собой дальнейшее развитие композиционных приемов монументальной архитектуры, раскрывающейся при пространственном восприятии. Живописная выразительность силуэта и гармоничность отдельных элементов этого ансамбля способствует его доминирующему значению в архитектурном пейзаже современного города Бухары.

К числу малоизвестных ансамблей и отдельных зданий, убедительно характеризующих развитие новых архитектурно-композиционных идей в конце XVI века, относятся: грандиозный некрополь Чор-Бакр к западу от Бухары, мечеть-хонак Файзабад к востоку от Бухары, соборная мечеть-намазго и мечеть Баянд.

Ознакомление с этими памятниками позволяет нам считать их подлинными шедеврами древней архитектуры Узбекистана. Ансамбль Чор-Бакр состоит из двух больших мечетей, обращенных порталами на некрополь, состоящий из невысоких гробниц, склепов и отдельных надгробий.

Мечеть Боло-хауз

Пространство, разделяющее обе мечети, организовано в виде глубокого парадного двора (курдонера), созданного путем соединения мечетей двухэтажным объектом с высоким порталом посередине и галереями, продолжающими тему боковых фасадов обеих мечетей.

Получившаяся объемно-пространственная композиция обогащена некоторой асимметрией в объемах обеих мечетей, однако, от этого композиция не утратила общего равновесия. Усилению центральной оси способствует постановка на ней выдвинутого вперед минарета (построенного позднее), гармонично включающегося в архитектуру дворового пространства. Мелкая трактовка деталей минарета еще более подчеркивает масштабы и мощь всей композиции. Своеобразие этого приема, пропорциональность отдельных элементов, масштабность и сдержанность деталей отделки свидетельствуют о высоком уровне архитектурной культуры. В грандиозном размахе всего ансамбля чувствуется уверенная рука зодчего, раскрывающего все богатство и архитектурно-художественную силу купольно-арочной системы. Умеренное применение в обработке порталов майолики синне-зеленых тонов, скупая орнаментация галерей неполивными керамическими плитками, своими швами образующими геометрический рисунок слабого рельефа,— все это подчинено основной идее объемно-пространственной композиции, проникнутой духом конструктивности и трезвого рационализма.

Другим, интересным с точки зрения разбираемого вопроса памятником абдуллахановского периода является малоизвестная мечеть-хонак Файзабад. Композиционный прием решения центральной части ее мало оригинален и представляет собой пример описанного выше сочетания сильно развитого портала-пештака с довольно значительным куполом, скрытым за ним при восприятии главного фасада. Однако осталь-

ные элементы памятника—две массивные боковые галереи и весь боковой силуэт здания с явным нарастанием форм в сторону входа говорят о расчете на восприятие памятника с многих точек обозрения, что существенно отличает его от большинства архитектурных композиций прошлого. Другим существенным качеством композиции мечети-хонако Файзабад является наблюдаемый здесь оригинальный отход от общеизвестных приемов организации внутренних дворовых пространств при помощи галерей, образующих своеобразный перистиль, и применение наружных монументальных аркад, дающих пример своеобразной трактовки темы периптера.

Общими чертами, роднящими этот памятник с архитектурой своего времени, является выразительность общекомпозиционного решения, пропорциональность отдельных элементов и та же сдержанность в применении декора, потерявшего в архитектуре абуллахановского периода свою когда-то первостепенную роль. Как это будет видно из примеров, приведенных нами ниже, изысканные приемы живописного декора, достигшие высокого расцвета в эпоху Тимура и тимуридов, в обработке наружных стен в рассматриваемый период были перенесены в интерьер. Эта особенность дает дополнительное доказательство развития в конце XVI века рационалистических взглядов на архитектуру.

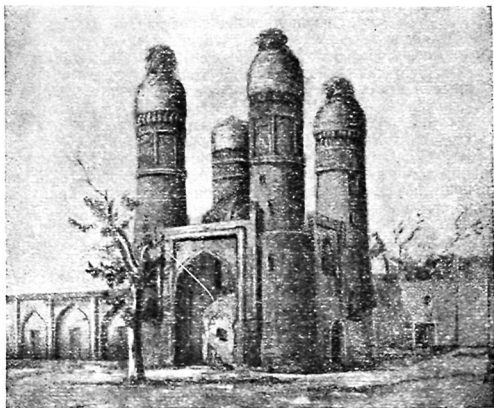
Интереснейшим памятником конца XVI века является также монументальный трехпролетный портик, пристроенный во времена Абуллахана к древней части соборной мечети-намазго, сохранившей центральный михраб караханидского времени. Композиция главного фасада представляет собой сильно подчеркнутый центральный пештак с красиво очерченной стрельчатой аркой, раскрывающей внутреннее пространство портика с древним михрабом в глубине, и двух меньших арок, по бокам.

Композиция подкупает гармоничностью и строгостью пропорций, удачно найденным масштабом деталей. Это придает зданию величественность, несмотря на его относительно небольшие размеры. Необычайно масштабен геометрический рисунок, заполняющий тимпаны центральной арки и выполненный мозаичной инкрустацией швов фигурной керамиковой облицовки, образующей декор своими швами, так же как в галереях упоминавшегося выше памятника Чор-Бакр. В обрамлении пештака применена традиционная надпись геометрического рисунка, выполненная в холодных тонах «абуллахановской» майолики.

Наибольший интерес представляет собой портик с боковых фасадов. Три пролета портика образованы приемом пересекающихся арок, поддерживающих купольные перекрытия, из которых центральный купол повышен и является неотъемлемым элементом общей композиции, раскрывающейся с боковых фасадов.

Таким образом, здесь вновь обнаруживается стремление зодчих «абуллахановского» периода использовать новые композиционные приемы, раскрывающие объемно-пространственную выразительность архитектуры, взамен существовавшего ранее ограниченного фронтального решения канонических композиционных схем, приводящего к усиленной декорировке главных фасадов и придающего их мозаичной одежде первостепенное архитектурное значение.

Интересные дополнения к традиционной схеме дворового медресе содержит в себе прекрасное по гармоничности пропорций медресе Аб-

Чор-Минор. (Вход в медресе Халифа Ниязкул)

дулла-хана. В композицию внутренних пространств здания, кроме основного двора, включается крытое куполом двухъярусное помещение, представляющее собой небольшой (около 10 м в диаметре) зал с выходящей на него галереей по второму этажу. Отсутствие несохранившейся отделки этого помещения искупается содержательностью композиционного приема, основанного на раскрытии внутреннего пространства.

В эпоху Абдулла-хана складывается и общеизвестный тип квартальной мечети с деревянным «айваном», примером чего служит мечеть Балянд, представляющая собой прямоугольное помещение зимней мечети с примыкающим к нему с двух сторон угловым айваном, сохранившимся до сих пор с остатками росписи и резьбы по дереву на потолке и колоннах. Зимнее помещение мечети имеет богато расписанный плоский потолок. Стены изнутри прекрасно украшены мозаикой, майоликой и своеобразной росписью по ганчу способом «кундаль».

Высокие образцы декора, встречающиеся в обработке интерьеров XVI века, могут быть дополнены примерами тонкой отделки внутренних куполов, перекрывающих переходы в медресе Мири-Араб и Абдулла-хана, достигая непревзойденной выразительности во втором куполе справа при входе в медресе Кукельдаш (см. обмеры этих объектов, произведенные по заданию Управления по Делах Архитектуры при Совете Министров УзССР летом 1946 года кандидатом архитектуры Дмитриевым и аспирантом Академии Наук УзССР арх. Нильсен).

Виртуозная фигурная кладка, образующая своими швами легкий орнаментальный рисунок неглубокого рельефа в сочетании с сочным богатством мозаичных панно, свидетельствует о высоком декоративном искусстве XVI века, в полную силу звучащим в интерьерах и сдержанном в наружной отделке зданий.

Как упоминалось выше, эпоха Абдулла-хана обогатила архитектуру появлением новых типов зданий светского характера, еще не изученных, но представляющих несомненный интерес в композиционном и конструктивном отношении. К ним, в первую очередь, относятся базарные купола, из которых купол Токи-Заргарон был обмерен и зарисован в 1946 году автором этих строк, совместно с арх. Нильсен, по заданию Управления по делам Архитектуры.

Этот памятник состоит из перекрытого куполом восьмигранного сквозного помещения, к которому с четырех сторон по направлениям пересекающих улиц примыкают торговые галереи, перекрытые каждая двумя куполами меньших размеров. По четырем остальным граням восьмиугольного центрального помещения расположены ниши, являющиеся также торговыми помещениями с примыкающей к ним сложной системой складов. Особый интерес представляет центральный купол, приподнятый на многогранном барабане, прорезанном шестнадцатью световыми проемами. Конструкция купола основана на пересечении мощных сводов, образующих каркас, ребра которого выступают на наружной поверхности купола.

К числу любопытных памятников этого времени относятся своеобразный крытый рынок — тим Абдулла-хана, функционирующая до сих пор баня Саррафон, ворота городской стены Шейх Джаляля и другие.

Было бы ошибочно полагать, что появление новых композиционных идей в бухарской архитектуре XVI века явилось случайным этапом ее

развития и не было подготовлено предыдущими периодами. Отдельные приемы, подобные выше описанным, можно обнаружить и в архитектурных памятниках более раннего времени. Однако именно в рассматриваемую эпоху эти идеи получили существенное развитие и оказали влияние на всю позднейшую узбекскую архитектуру, вплоть до периода господства последних феодальных властителей.

Как показывает изучение, несмотря на начавшийся после XVI века постепенный экономический и политический упадок, приведший в конце XIX века к превращению бывшего Туркестана в отсталую колонию царского империализма, высокие архитектурные традиции, достигнутые в периоды расцвета архитектуры, продолжали изредка проявляться в виде отдельных интересных архитектурных произведений на фоне общего упадка архитектурной культуры, длившегося вплоть до установления советской власти.

Среди позднейших памятников Бухары обращают на себя внимание Чор-Минор (1807) и мечеть Боло-хауз (1917), занимающие существенное место в архитектурном облике современной Бухары. В обоих этих памятниках ощущается влияние композиционных идей, присущих бухарской архитектуре второй половины XVI века. Композиция Чор-Минор, рассчитанная на пространственное восприятие, занимает определенное место в общем силуэте города, несмотря на незначительные абсолютные размеры памятника. Композиция мечети Боло-хауз, обращенной на площадь перед древней крепостью Арк, возрождает и «монументализирует» идею, заложенную в древней мечети Баянд.

Только при советской власти благодаря проведению ленинско-сталинской национальной политики узбекский народ, вместе с другими народами нашей Родины, получил возможность создавать новую передовую классическую советскую архитектуру, как составную часть передовой советской культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Практическое разрешение этой ответственной задачи связано с критическим освоением мирового архитектурного наследия, использованием всего прогрессивного, что в нем имелось, и требует особенно глубокого изучения богатейшего национального наследия народов Советского Союза.

М. Е. Массон
ДОКТОР АРХЕОЛОГИИ

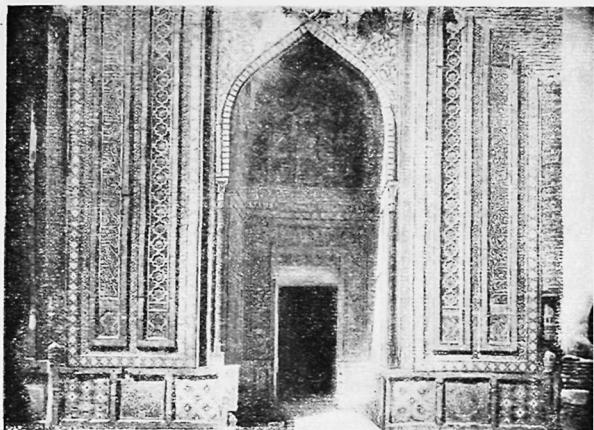
О ПРОИСХОЖДЕНИИ МАВЗОЛЕЯ ТУРКАН-АКА В САМАРКАНДЕ

Архитектурный ансамбль у мазара Шах-и-Зинда в Самарканде, несмотря на большую популярность, изучен очень слабо, и до сих пор нет не только ни одного удовлетворяющего научной точности описания, но даже перечня слагающих его отдельных памятников. Опубликованные сведения о них во многом неверны и противоречивы. В частности, это относится и к прекрасному мавзолею, второму с западной стороны коридора в верхнем конце ступенчатого подъема на склон городища Афрасиаб.

Первые писавшие о нем авторы, начиная с А. Л. Куна, считали его мужской усыпальницей эмира Кутлуг-Турды-бек-ака^[1]. Позднее в нем распознали женский мавзолей, но у исследователей не было и нет единства в его расшифровке. Одни считали, что в нем погребена со своими детьми сестра Тимура, Чуджук-бика или Джужук-бика-ака^[2]. Другие — что там погребена жена Тимура, Туркан-ака^[3], причем она иногда выдавалась за дочь некоего эмира Нур Мелика^[4].

Существуют разнобой и в части приведения даты, упомянутой на памятнике. С. А. Лаппин указал 772 г. х. в качестве даты смерти^[5] хотя уже до того он был правильно прочитан как 773 год, но переводился на европейское летоисчисление иногда с большой погрешностью, как соответствующий 1370 году н. э.^[6] Другие авторы, правильно понимая дату, как обозначение смерти погребенного лица, допускали при этом неуточненный перевод на европейское летоисчисление — 1371—1372 годы, вместо указания одного года и месяца^[7]. Многие представляли год «анонимно», в скобках, без раскрытия содержания. Абу Тахир-ходжа (30-е годы XIX века) относил эту дату к построению здания^[8].

Далее одни исследователи полагают, что Туркан-ака сама для себя заблаговременно строила усыпальницу, но большинство авторов называют Тимура строителем этого мавзолея. Разнобой определенных характерен и для западноевропейской научной литературы, приводящей сведения, беззастенчиво заимствованные из того или иного русского источника.

Мавзолей Туркан-ака. Портал

Основные данные о памятнике заключены в изразцовой надписи с историческим текстом на портале самого мавзолея. Надпись эта дошла до нашего времени далеко не полностью. Она начинается на северном устое словами, относящимися к основанию здания, но затем обрывается из-за утраты облицовочных плиток на выражениях риторической части, предшествующей упоминанию, кем сооружен мавзолей. В уцелевшем отрезке конца исторической надписи, спускающейся по южному устою портала, значится: «...Кутлуг-Туркан-ака для ручья государства... и свежести, отрезка радости и предела [совершенства] Шади-Мульк-ака, [которая] скончалась «отошла» с призывом молитвы божией» в 20-й день месяца джумада II лунного летоисчисления 773 года», то-есть 29 декабря 1372 года.

Прозвище «Туркан-ака» (принцесса тюрок) было очень распространенным в Средней Азии в XIV—XV веках. Оно являлось как бы почетным титулом для женщин семьи правящего государя и действительно прибавлялось к именам некоторых жен Тимура. Так матерью родившегося 15 реби II 777 г. х. (13 сентября 1375 года) младшего сына Тимура, Шахруха, была Тугай-Туркан-ака. Сестра эмира Хусейна, Улджай-Туркан-ака, была одной из жен Тимура до того как он стал правителем всего Мавераннахра. Дата ее смерти 767 г. х., причем поскольку известно, что она еще была жива в момент подавления народного движения сербедаров в Самарканде, начавшегося в 766 г. х. в год змеи, то-есть в 1365 году н. э., и окончившегося в конце марта 1366 г. х.

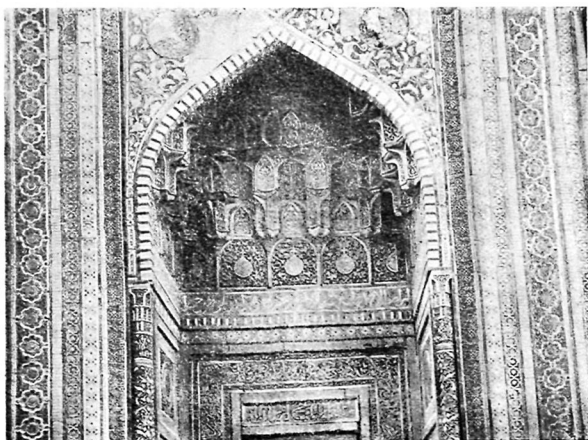
(после начала фервердина, по Хондемиру), то временем ее смерти следует признать последующий остаток 1366 года до 7 сентября.

Что же касается Кутлуг-Туркан-ака, то это была не жена, а старшая сестра Тимура, дочь Тарагая, которая всегда пользовалась большим уважением и авторитетом у брата. В тяжелые для него дни, когда он около 1362 года был захвачен на Мургабе в плен туркменами, заключен в одном селении, а затем выпущен местным правителем на свободу без всяких средств для продвижения в пути, Кутлуг-Туркан-ака пришла навстречу из окрестностей Бухары и оказала ему помощь на берегу Аму-Дарьи. После того Тимур скрывался у нее 48 дней в Самарканде. В 1383 году он горько оплакивал ее кончину, имевшую, следовательно, место после указанной на мавзолее даты смерти погребенного там лица, а именно Шади-Мульк-ака.

Имя или прозвище Шади-Мульк («Радость государства») также довольно широко употреблялось в среде женщин тимуридских придворных гаремов. Так между прочим звали любимую жену внука Тимура, Халил-Султана. В надписи над входом в рассматриваемый мавзолей к покойнице прилагаются эпитеты «звезда счастья», «утраченная драгоценная жемчужина», «стройная как кипарис», а в другой ее смерть трактуется, как «бедствие кратковременной красоты». Последнее намекает, что она скончалась в молодом возрасте, о чем свидетельствуют и все вышеприведенные эпитеты, проставленные непосредственно перед ее именем в исторической надписи.

Судя по неполно сохранившемуся тексту, вернее всего допустить, что Шади-Мульк-ака была дочерью Кутлуг-Туркан-ака и, следовательно, племянницей Тимура. Над ее могилой по воле матери и был возведен прекрасный мавзолей. Аналогичный случай создания матерью усыпальницы своей любимой дочери в семье Тимуридов имел место и позднее, когда царица Хабиба-Султан-бегум, жена Абу-Саида отстроила в Самарканде около 1464 года для своей дочери, Султан-Хавенд-бика, изумительный мавзолей, известный теперь под именем «Ишрат-Хана» («Дом радости»). В исторической литературе Кутлуг-Туркан-ака известна как строительница нескольких зданий медресе и хонако. Усыпальница Шади-Мульк является первым и пока единственным архитектурным сооружением, связанным с ее строительной деятельностью.

Это сооружение появилось, очевидно, вскоре после смерти принцессы, до того, как рядом с ним с юга пристроили почти вплотную так называемый мавзолей «Эмир-заде». С его созданием становилось почти невозможным, и во всяком случае, затруднительным пользование проходом в существующий с южной стороны коридор склепа Шади-Мульк. Датировка безымянного мавзолея «Эмир-заде» в литературе имеет два варианта: 788 г. х. [9] и 799 г. х. [10]. В надписи на мавзолее значится, что смерть погребенного в нем лица произошла «в месяце богом благословенном шаввале года 788», то-есть между 26 октября и 23 ноября 1386 года. Смерть же Кутлуг-Туркан-ака наступила по Шерефеддину в 1383 году. Весьма вероятно, что она была похоронена подле дочери в одном склепе и что остатки одного из четырех ступенчатых изразцовых намогильных сооружений внутри мавзолея Шади-Мульк связаны с ее погребением. По данным Абу-Тахира-ходжа, сто с лишним лет тому назад тоже полагали, что сестра Тимура покоится в усыпальнице против мавзолея его жены Ширин-бика-ака.

Мавзолей Туркан-ака. Сталактиты с именами мастеров Бареддина и Шемседдина

При описании мавзолея Шади-Мульк-ака В. Л. Вяткин и А. Ю. Якубовский называют имена двух его строителей: Зайнеддина и Шемседдина, ошибочно считая, что оба они были мастерами из Тебриза. По мнению С. А. Лапина, имя Зайнеддина упомянуто также в одной стихотворной надписи над входом в усыпальницу, где якобы приведено следующее:

«Этот потолок, полный лепной работы, и эту нишу золоченую
Считай на память от искусства Зайн-уд-дина» [11].

У Г. А. Панкратьева эта же надпись приведена в другом варианте:

«Этот свод, полный сталактитов, и этот купол, отделанный золотом,
Останется памятью Зайн-уд-дина» [12].

В действительности в этой надписи имя мастера не упомянуто, и ее точнее расшифровать несколько иначе:

«Этот широко распахнутый вход над ее могилой и богатая арка — искусство,
Как памятник для примирения с бедствием кратковременной красоты».

Среди сталактитов пештака на видном месте красуются две майоликовые плитки с упоминанием двух мастеров. На одной значится: «Работа устода Шемседдина», а на другой — «Работа Бареддина», но без указания нисбы, то-есть их происхождения. В более скромном месте, на одной из граней базы резной изразцовой внутренней полуколон-

ки северного устоя пештака вырезана надпись: «Работа Зайнеддина сына Шемседдина Бухари». Характерно, что мастер не назван «уладом», вероятно, его отец только тезка мастера, расписавшегося на плитке сталактитов. Таким образом, на здании дошли до нас три имени его творцов. Один из них был явно бухарец, происхождение двух других не указано, потому что они были самаркандцы, а проставление нисбы в родном городе на Востоке не было принято.

Новая расшифровка рассматриваемого памятника важна не только как уточнение частного факта. Ошибочное отнесение усыпальницы Шади-Мульк-ака и близких к ней по декору мавзолеев к творениям архитекторов из Тебриза подкрепляло старую ныне отвергнутую порочную гипотезу об якобы «огромной роли» персидских мастеров в строительном искусстве Средней Азии XIV—XV веков^[13]. Между тем, не говоря уже о неверном прочтении некоторых надписей, в Персии нет памятников, подобных мавзолею Шади-Мульк-ака, а в персидской архитектуре не употреблялись в XI—XIV веках облицовки из резных неглазированных терракотовых плиток, равно как не получили, распространения резные изразцовые декорации^[14]. Наоборот, в Средней Азии такого типа архитектурные декорации составляют характерную особенность и у рассмотренного памятника есть ряд непосредственных предшественников в виде зиарат-ханы перед мазаром Куссама 1334—1335 годы; мавзолей Ходжа Ахмада в Шах-и-Зинда работы, кажется, самаркандских мастеров; соседней с ним усыпальницы, имеющей дату смерти неизвестной женщины, скончавшейся 13 сафара 762 г. х., то-есть 13 декабря 1360 года; бухарского мавзолея Буян-Кули-хана, убитого в 1358 году, и других. Близки к ним по времени и безымянный мавзолей в Шах-и-Зинда, расположенный к северу от усыпальницы Шади-Мульк, одним из творцов которого был среднеазиатский мастер Али из Несефа, то-есть каршинец по происхождению, и соседний безымянный мавзолей, в остатках надписи на руинах портала которого удалось разобрать упоминание некоей «великой княжны» Улуг-бегим и других. По этим памятникам можно проследить эволюцию в развитии местного зодчества с периода ослабления в Средней Азии монгольского владычества и до XV века. Все названные и близкие к ним сооружения следует рассматривать как памятники своей собственной среднеазиатской архитектурной школы, уходящей корнями в домонгольский период.

Наконец установлением при работах 1943 года факта, что отстроенные архитектором Махмудом исфаханским входные ворота во двор при мавзолее Гури-Мир возведены, вопреки прежним предположениям, не при Улугбеке, а при жизни Тимура, отрицается доказательство, приводившееся в пользу необоснованного утверждения, будто в Средней Азии «традиции привлечения ремесленников из Ирана в конце XIV и начале XV веков настолько велики, что и в последнее время при Тимуридах имена этих мастеров встречаются не раз»^[15]. В отношении же мастера-строителя бухарского медресе Улугбека, имя которого Исмаил сын Тахира, сына Махмуда, архитектора исфаханского, было разобрано В. А. Шишкиным. Возможно, что он был лишь внуком Махмуда Исфакани, строителя дворика у медресе и хонако царевича Мухаммад Султана в Самарканде, к которому позднее пристроили мавзолей Гури-Мир. Сам же этот уstad Исмаил был воспитан в традициях среднеазиатского строительства, наглядным свидетельством чего является созданное им медресе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Туркестанский альбом. Археологическая часть. П., 1872.
 2. В. В. Крестовский. В гостях у эмира бухарского. СПб., 1887, стр. 52.
 - М. Достоевский. Старина и быт Средней Азии. М., 1917, стр. 53 и др.
 3. В. Л. Вяткин. Памятники древностей Самарканда. Самарканд, 1927, стр. 22.
 - А. Ю. Якубовский. Мастера Ирана в Средней Азии при Тимуре. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. М.—Л., 1939, стр. 480 и др.
 4. Г. А. Панкратьев. Исторические памятники города Самарканда. Самарканд, 1910, стр. 10 и др.
 5. С. А. Лапин. Перевод надписей на исторических памятниках Самарканда. Справочная книжка Самаркандской области на 1896 г., в. IV, Самарканд, 1896, стр. 5.
 6. Д. И. Зварницкий. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношении. Ташкент, 1893, стр. 89.
 8. Самария. Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда Абу-Тахира-ходжа. Перевод В. Л. Вяткина. Справочная книжка Самаркандской области, в. VI, Самарканд, 1899, стр. 177.
 7. А. Ю. Якубовский. Цитируемое сочинение. Стр. 280.
 9. С. А. Лапин. Цитируемое сочинение. Стр. 5. А. Ю. Якубовский, Самарканд при Тимуре и тимуридах. Л., 1933, стр. 36 и др.
 10. Г. А. Панкратьев. Цитируемое сочинение. Стр. 10. А. Ю. Якубовский. Образы старого Самарканда. Восток. № 5, Л., 1925, стр. 155 и др.
 11. С. А. Лапин. Цитируемое сочинение. Стр. 5.
 12. Г. А. Панкратьев. Цитируемое сочинение. Стр. 10.
 13. Н. И. Веселовский. Мечети Самарканда. Гур-Эмир. СПб. 1905.
 14. В 1947 году один из отрядов Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции впервые обнаружил на территории Южной Туркмении, то-есть бывшего северного Хорасана, среди руин городища Шахри-ислам, соответствующего средневековому Языру, резные изразцовые плитки голубой поливы первой половины XIV века. Туркмения дает крайний западный предел употребления этого вида архитектурного декора; применение его в архитектуре Ирана неизвестно.
 15. А. Ю. Якубовский. Мастера Ирана. Цитируемое сочинение. Стр. 280.
-

В. А. Нильсен

АРХИТЕКТОР

МАВЗОЛЕЙ МИР-СЕИД-БАХРОМ В КЕРМИНЕ

Маленький мавзолей Мир-сеид-Бахром в Кермине стал известен в истории архитектуры Средней Азии совсем недавно. Покрытый позднейшими штукатурками, застроенный айванами прилегающей мечети, он оставался видимым снаружи только западной и северной стенами, ничем особенно не привлекающими взора исследователя.

Вот почему многие исследователи архитектурных и археологических памятников, расположенных по среднему течению Зеравшана, проходили мимо этого миниатюрного мавзолея, не обратив на него никакого внимания^[1]. И только совсем недавно, в 1942 году он был обнаружен А. К. Писарчик, занимавшейся специальным изучением архитектурных памятников Кермине. Краткое описание мавзолея с приложением двух планов и нескольких фотографий, опубликованных Писарчик в результате этого обследования, и составляют на сегодняшний день единственные литературные сведения об этом памятнике.

Летом 1947 года мавзолей был подвергнут тщательному архитектурно-археологическому обследованию с целью определения его места в ряду известных памятников раннего средневековья.

Расчистка поверхностей стен внутри здания от штукатурки, частичная очистка от штукатурки главного фасада и пристроек, закладка археологических разведочных шурфов и архитектурные обмеры дали довольно большой материал для дополнительной характеристики этого сооружения. Мавзолей имеет почти квадратный план со сторонами внутри помещения, равными $4,47 \times 4,40$ м. Стены его выложены из мелкого обожженного кирпича $21 \times 21 \times 2,5$ см на ганчхоке (ганчевом растворе с добавлением большого количества лесса). В настоящее время в комплексе построек мечети Мир-сеид-Бахром мавзолей сразу не виден, так как он скрыт с южной и восточной сторон прилегающими к нему строениями. С востока стена мавзолея закрыта мечетью и пристроенным к ней айваном. С юга главный фасад мавзолея прикрывает каркасная стена пристроенного айвана. В этой каркасной стене оставлен небольшой проем, расположенный против входной арки, через которую можно спуститься в мавзолей.

С севера и запада мавзолей окружен кладбищем, значительно повысившим уровень земли и скрывшим нижние части мазара. Больше, чем на метр, повысился уровень культурных наслоений и со стороны двора мечети.

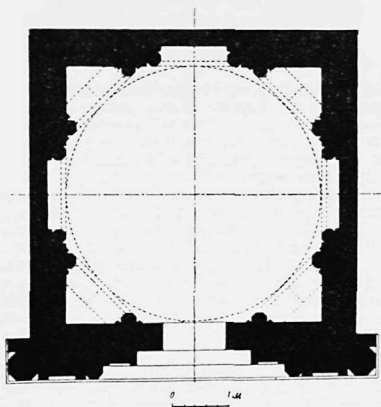
Культурные наслоения и многочисленные ремонты значительно исказили облик мавзолея, и о былом его виде можно высказать лишь предположения. Так, безвозвратно скрыта под ремонтной кирпичной облицовкой вся верхняя часть главного фасада, где полностью нетронутыми оставались только трехчетвертные фланкирующие колонки. Выполненная из крупного жженого кирпича $26,5 \times 26,5 \times 5$ см и затертая чрезвычайно крепким алебастровым раствором с добавлением кирпичной крошки и песка, позднейшая облицовка скрыла под собой все архитектурные формы и членения фасада настолько, что с трудом можно восстановить его первоначальный вид. Переложенный купол, алебастровая штукатурка, покрывшая первоначальную фактуру и членения внутренних стен сплошным слоем, глино-саманная штукатурка на сохранившихся нижних частях фасада, последующая обстройка мавзолея не представляющими никакой ценности и интереса айванами вконец обезобразили этот весьма ценный памятник.

Особенно любопытным является его фасад, вернее его южная стена, где располагается вход. Эта стена несколько утолщена и расширена за счет пристроенных трехчетвертных восьмигранных колонн. Колонны обработаны простой кирпичной орнаментацией тем самым мелким кирпичом $21 \times 21 \times 2,5$ см, из которого возведено все здание. Мотив двух горизонтальных кирпичей с половинкой кирпича стоймя в каждой грани, с чередованием его между гранями в шахматном порядке создает ажурную поверхность колонны и эффектную игру света и тени. Ближайший пример подобной обработки фланкирующих колонн известен по мавзолею саманидов в Бухаре, датируемому X веком^[2]. В более позднем памятнике — портале Мешхеда-Мисриан (XII — начало XIII веков) подобной техникой обработана граненая колонна, без базы и капители несущая архивольт входной арки.

Прием устройства мощных фланкирующих колонн в домонгольскую эпоху был широко распространен и фигурирует в памятках Узгента (XI — XII века), Айша-биби (XII век), в мазаре Манаса (первая половина XIV века)^[3]. В мавзолее Мир-сенд-Бахром этот прием выявлен с неприкрытой простотой, вообще свойственной этому памятнику.

Подобного типа граненые колонки размещены и по краям входной арки мавзолея. Но здесь эти колонки гораздо тоньше и, при ширине грани в 10,5 см, выложены из половины кирпича. Кладка колонок произведена горизонтальными рядами в один кирпичик плашмя, с разрывом на толщину кирпича по высоте колонки и чередованием между гранями в шахматном порядке. Таким же приемом обработаны столбы колонок, расположенных в парусном ярусе мавзолея саманидов.

Между трехчетвертными гранеными колонками проходит широкий пояс рельефной кирпичной орнаментации с мотивом бесконечно пересекающихся, переплетенных между собой меандров и квадратов, связанных горизонтальными линиями с обрамлением этого пояса. Сейчас сохранились только нижние части этого пояса, но можно предполагать, что в свое время он огибал весь портал, проходя сверху над тимпаном входной арки.

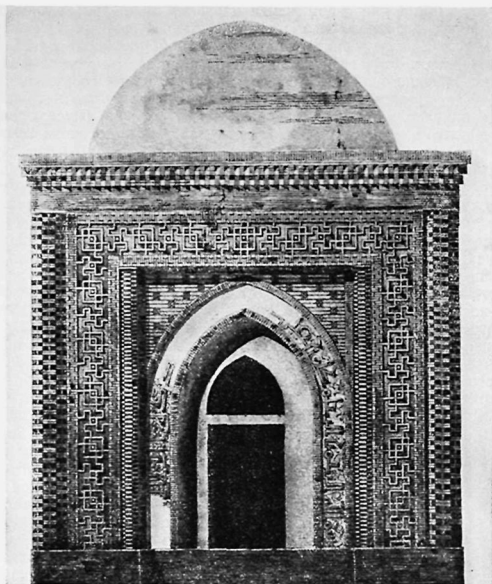
Мавзолей Мир-сеид-Бахром. План

Высокая входная арка пролетом в 2,13 м с широким обрамлением опирается на цоколь мавзолея, скрытый ныне под землей. Обрамление заполнено выложенной из кирпича куфической надписью, сохранившейся фрагментарно и поэтому полностью не читаемой. С правой стороны обрывок надписи гласит: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного...». Надпись эта весьма проста по технике выполнения и по начертанию букв. Она имеет глубокий рельеф и фоном для нее, как показало обследование, служил резной штук. Резным штука отделан также тимпан над аркой. Резьба имитирует кладку спаренными кирпичиками со вставками простого геометрического рисунка^[4].

В противовес насыщенно обработанной южной стене мавзолея, боковые и задняя стены его лишены по фасаду какого-либо декоративного убранства и сохранили следы сплошной облицовки спаренными кирпичиками с разрывом в шахматном порядке.

Таким образом, мавзолей имеет явно выраженный главный фасад, со стороны которого осуществляется вход в мавзолей и на котором сосредоточены все средства декоративной обработки в ущерб боковым сторонам мавзолея, лишенным декоративного убранства. Этот фасад со всеми признаками развивающегося портала-пештака как по структуре, так и по приемам декоративного убранства характерен специфически только ему присущим акцентированием входа необычной трактовкой входной арки.

Во всех известных нам раннесредневековых архитектурных памятниках Средней Азии архивольт входной арки своими пятнами опирает-

Мавзолей Мир-сеид-Бахром. Реставрация фасада

ся или на пристенную колонку, или на какой-либо другой особый несущий элемент. В данном же случае, как указывалось выше, обрамление, заполненное широкой рельефной куфической надписью, опускается непосредственно до самого низа здания, опираясь на невысокий кирпичный цоколь. Расположенные же по бокам арки граненые колонки поднимались выше замка архивольта и на уровне верха тимпана упирались в обрамляющий портал широкий орнаментальный пояс с геометрической кирпичной накладкой. Каково было завершение портала, сейчас сказать трудно, можно только предположить обычную рядовую кладку, опирающуюся по углам на фланкирующие колонки и кирпичный ячеистый карниз, возможно даже аналогичный карнизу в Северном мавзолее в Узгенте (XII век).

Не менее своеобразным и любопытным, чем фасад мавзолея, является его интерьер.

Квадратное в плане помещение мавзолея имеет три неглубоких, высоких ниши, расположенных на уровне угловых арочных парусов, и образует вместе с ними восьмигранник, на котором покоится купол. Наиболее интересным в решении интерьера является то, что мавзолей не имеет четко выраженного парусного яруса, присущего всем сооружениям с купольным покрытием, построенным до XV века. Стрельчатые арки парусов и ниш опираются в мавзолее на граненые колонки, опускающиеся до самого пола^[5] и тем самым ликвидирующие обычно четко подчеркнутую грань между парусным ярусом и стенами. Интерьер мавзолея воспринимается как восьмиугольник, образованный семью арочками на колоннах. Подобному восприятию квадратного в плане мавзолея способствует также и то, что расположенные по углам восьмиугольника четырнадцать как бы сдвоенных колонок^[6] имеют сильно подчеркнутый рельеф, образованный тем же приемом кирпичной выкладки, как и колонки на фасаде у входа. Этот рельеф на стволах колонн особенно сильно воспринимается на гладком фоне поверхностей стен и ниш, лишенных какого-либо декоративного убранства. Колонки и опирающиеся на них арки подчеркивают стройность помещения мавзолея и весьма остро и необычно организуют его внутреннее пространство^[7].

Видимо зодчий, отказавшись от применения арки на колоннах для оформления входной ниши на фасаде, отдавал дань этому приему, насыщенно применяя его внутри помещения.

Верх интерьера — арки, сферическое заполнение парусов и сохранившиеся части старого купола показывают, что там так же, как и на стенах, не было никакой обработки. Сам же купол переложен лет 45 тому назад из кирпича русского образца и имеет смятую приплюснутую форму. По сохранившимся частям старого купола можно судить только о том, что он был одинарным, сферической или сфероконической формы.

Таков в общих чертах мавзолей Мир-сеид-Бахром, этот маленький, но весьма интересный памятник, где так много необычных приемов в архитектурной трактовке как общих композиционных основ, так и отдельных архитектурных форм, приемов, сделавших мавзолей уникальным.

Однако, несмотря на наличие ряда специфических, ему одному присущих элементов и деталей в архитектуре мавзолея, можно отметить ряд моментов, роднящих его с известными среднеазиатскими памятниками архитектуры. Так, использование одного и того же кирпича как для кладки конструктивных элементов — фундаментов, стен, арок и пр., так и для декоративного убранства отдельных архитектурных форм, сам метод этого убранства в таких элементах, как колонки, явно сближают этот памятник с мавзолеем саманидов.

Но в то же время, появление таких элементов, как явно выраженная фасадность, в чем можно видеть зарождение портала; появление внутри мавзолея плоских ниш, употребление которых для увеличения площади внутреннего помещения мавзолея становится традицией, приведшей в XV веке к крестообразному плану; употребление сплошных, огнивающих входную нишу орнаментальных поясов, с отвлеченными геометрическими мотивами; появление архитектурной эпиграфики — все это сближает мавзолей Мир-сеид-Бахром с среднеазиатскими мавзолеем XI—XII веков. Эти данные убеждают нас в правильности предварительной датировки Б. Н. Засыпкиным мавзолея Мир-сеид-Бахром концом X и началом XI веков^[8].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В 1934 году мечеть Мир-сейд-Бахром посетила Зеравшанская археологическая экспедиция; специального исследования экспедиция не провела, так как мавзолей ошибочно был признан поздним по времени постройки. Сотрудник экспедиции В. А. Шишкин лишь занес в свой дневник схематический рисунок арочных парусов и проглядывавшие через штукатурку орнаментальные мотивы в облицовке южного фасада.

2. В мавзолее саманидов фланкирующие колонны обработаны чередованием в шахматном порядке трех кирпичей плашмя по поверхности колонны, с тремя кирпичами также плашмя, но под углом к внешней поверхности колонны.

3. В Хорезме, Мерве, Термезе этот прием не нашел себе применения и там он неизвестен.

4. А. К. Писарчик ошибочно приняла, что декоративная обработка тимпана выполнена из жженого кирпича. См. А. К. Писарчик, «Памятники Кермине». Сообщения Института теории и истории архитектуры Академии Архитектуры СССР, вып. IV, Москва, 1945, стр. 23.

5. Как показало археологическое исследование, существующий пол находится на 50 см выше пола современной постройки; все это пространство заполнено землей с кирпичным домом, расслоено четырьмя настилами пола из жженого кирпича, выложенными в разное время. Граненные колонки, опускаясь под эти настилы, опираются непосредственно на первоначальную выстилку пола из жженого кирпича $21 \times 21 \times 2,5$ см, не имея под собой обреза фундаментов, так как последние без уширения и устроены в одной плоскости со стенами.

6. Ниши, обрамленной колонками, поддерживающими пять арочки внутри мавзолея, со стороны входа, как это показано на плане, опубликованном А. К. Писарчик, не существует. Эта ошибка привела к неверному счету числа колонн (16, в то время как их всего 14). См. А. К. Писарчик, цитируемое сочинение, стр. 21—22.

7. Подобные примеры оформления интерьеров на территории Средней Азии нам неизвестны. В Иране есть близкий пример оформления помещения узкими колонками в одном из интерьеров Масджида — Джума в Исфагане. См. A Survey of Persian Art, vol. IV. London — New-York, 1939, p. 291.

8. А. К. Писарчик, цитируемое сочинение, стр. 24.

Г. А. Пугаченкова
КАНДИДАТ АРХИТЕКТУРЫ

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ АНСАМБЛЯ ДОРУС-СИАДАТ, ТИМУРИДСКОЙ УСЫПАЛЬНИЦЫ В ШАХРИСЯБЗЕ

Вопросы истории Шахрисябза, или, как его иначе называли, Кеша, вплоть до последних лет в науке не были подняты. Между тем этот город — ныне небольшой районный центр Кашка-Дарьинской области — имеет очень увлекательную и длинную историю.

Обнаруженные М. Е. Массоном и автором настоящих строк в 1942 году во время рекогносцировочного обследования города крупные каменные базы, имеющие прямые аналогии в памятниках парфянского и кушанского зодчества южных территорий Средней Азии, указывают на датировки, восходящие к первым векам до и после н. э.

Из китайских источников известно, что во II веке н. э. здесь располагался центр крупного полукочевого государства Кан-гуй. Возможно, что ставкой кан-гуйского владетеля являлось обследованное в том же 1942 году тепе (искусственный насыпной холм), лежащее в шести километрах к западу от города и известное среди населения под наименованием Урта-Курган (видимо, искаженное «Урда» — дворец). В центре четырехугольника, образованного мощными оплывшими крепостными стенами, обведенными рвом и имеющими своеобразную систему фортификации с воротами в виде выпуклого полудужия (близкими по типу к некоторым античным крепостям древнего Хорезма), находится высокий холм-платформа, на котором, очевидно, располагались палатки правителя, а внизу размещалось становище его войск. Огромное количество других тепе, разбросанных в окрестностях Шахрисябза, указывает на существование множества поместий крупных и мелких феодалов в период, предшествовавший арабскому завоеванию.

В VIII столетии Шахрисябз был центром антиарабского национально-освободительного движения, возглавляемого талантливым организатором Муканной, выдвинувшим, как известно, крайне демократическую программу, в которую входило изгнание из страны чужеземных завоевателей, требование обобществления имущества и т. д.

По данным историко-топографического и археологического порядка установлено, что местоположению описываемого средневековыми арабскими географами Кеша соответствует древнее городище в Китабе, а не современный Шахрисябз, возникший на занимаемой им территории лишь после прихода монгол. Город достиг особенного расцвета при Тимуре, уроженце маленького кишлака Ходжа-Ильгар, лежащего в семи километрах от города. При Тимуре Шахрисябз становится второй, так сказать, интимной столицей колоссальной империи.

Здесь в эпоху Тимура было воздвигнуто несколько зданий, масштабом и роскошью соперничавших даже с его самаркандскими сооружениями. Художественная ценность этих зданий настолько неоспорима, что они привлекали к себе внимание исследователей больше, нежели сам город и весь круг связанных с ним проблем. Следует, впрочем, отметить, что при изучении шахрисябзских памятников была проявлена известная односторонность, и внимание фиксировалось, главным образом, на дворце Ак-Сарай. Неоднократно цитированное описание дворца, приведенное Клавихо, служило при этом отправным пунктом существующих публикаций, лишь вскользь затрагивающих вопросы, связанные с ансамблем монументальных зданий, расположенных в юго-западной части города.

Здесь, на территории обширного кладбища, где среди свеженасыпанных могильных холмов встречаются мраморные надгробия с эпитафиями XV—XVII веков, высится монументальный мавзолей Хазрет-и-Имам, увенчанный коническим куполом на стройном барабане. С севера к нему примыкают поздние пристройки кирпичных и деревянных зданий комплекса мечети. Восточнее находится подземный склеп, который население именует склепом царевича Джехангира. К западу от мазара, почти у самой дороги, ведущей от купольного здания центрального рынка Чор-су к городским воротам, стоит компактный объем мечети Улугбека — Кок-Гумбаз, что в буквальном переводе обозначает «голубой купол» (хотя наружного купола, некогда облицованного голубыми кирпичами, мечеть и лишена), и несколько в стороне от нее — небольшой, изящный мавзолей Гумбаз-и-Сейидан. Оба эти здания объединяет открытое помещение летней мечети. С северной стороны от Гумбаз-и-Сейидан прилегает полуразрушенная постройка над кабр (могила, надгробие) шейха Шемседдина Куляля, а с восточной — сооружение другой мечети XVI—XVII веков. Все эти здания входят в сооружение дворика медресе, воздвигнутого в конце прошлого — начале настоящего столетия, часть худжр (келий) которого сохранилась и поныне. Комплекс разновременен, но в слагающих его древних постройках есть нечто, позволяющее угадать планировочную взаимосвязь этих разобщенных сооружений.

Историческая расшивка перечисленных архитектурных памятников и их взаимоотношения с известными по литературным данным сооружениями XIV—XV веков, предлагавшаяся рядом специалистов, крайне разноречива.

А. Л. Кун, составивший еще в прошлом столетии описание шахрисябзских памятников^[1], упоминает Джума-мечеть, несущую надпись с именем Улугбека и датой ее возведения в 835 г. х. (1437). Мазар шейха Шемседдина Куляля Гумбаз-и-Сейидан и мавзолей Хазрет-и-Имам. О Гумбаз-и-Сейидан он сообщает, что внутри его, якобы, нахо-

дятся надмогильные плиты отца Тимура — Тарагая и двух термезских сейидов.

Эти сведения привели впоследствии к ошибочному заключению В. В. Бартольда, который, сопоставив их с данными Шерефеддина-али-Иезди и Клавихо, утверждал, что Тарагай был похоронен в располагавшейся здесь построенной Тимуром мечети, а безвременно скончавшийся в 1376 году цесаревич Джехангир — в особом мавзолее [2].

По мнению А. Ю. Якубовского, где-то возле Хазрет-и-Имам располагалась упоминаемая Клавихо «mazcīta» — мечеть, а в ней был погребен Тарагай. Гумбаз-и-Сейидан А. Ю. Якубовский так же, как и А. Л. Кун, считал мавзолеем термезских сейидов [3].

Б. Н. Засыпкин высказал предположение, что здание Хазрет-и-Имам являет собой мавзолеем некоего высокочтимого современниками духовного лица и входило в состав какого-то монументального сооружения, аналогичного мавзолеем Ходжа-Ахмеда Ясеви в Туркестане, причем, по мнению Б. Н. Засыпкина, это сооружение является упоминаемой испанским послом «мечетью», где, якобы, были погребены Тарагай и Джехангир [4]. Я. Гулямов, после вскрытия им так называемого склепа Джехангира, на основании слов Шерефеддина, заключил, что над склепом располагался мавзолеем Джехангира, а усыпальница Тарагая находилась вблизи мазара шейха Куляля.

В 1942 году М. Е. Массон и автор данных строк по поручению Узкомстариса провели в Шахрисябзе ряд работ с целью историко-топографического обследования города и в частности специального изучения памятников монументальной архитектуры эпохи Тимура и Улугбека, в котором расшифровка комплекса монументальных зданий в юго-восточной части города имеет значительный удельный вес [5]. Изучение топографии и архитектуры памятников в натуре, при соответствующем сопоставлении с уже имевшимися данными, дало возможность по-новому решить проблему мавзолея Хазрет-и-Имам и склепа Джехангира.

Объем настоящей статьи не позволяет остановиться на имеющейся в распоряжении автора детальной аргументации новой трактовки этих зданий, поэтому ниже приводятся лишь окончательные выводы по этому вопросу.

По Шерефеддину, отец Тимура Тарагай, скончавшийся в 762 г. х. (1360—1361), был погребен в мавзолее близ своих родственников. Но позднее, в годы утверждения Тимура единодержавным правителем Мавераннахра, после смерти в 1370 году его «пира» (духовного покровителя) шейха Шемседдина Куляля или Куляра Фахури, тело Тарагая было в 775 г. х. (1373—1374) препровождено в «почетное место» близ кабра (гробницы) этого шейха, причем для отца Тимура и воздвигнут новый купольный мавзолеем [6]. Возможно, он даже не являл собой отдельно стоящего мавзольного сооружения, а входил в качестве «гурханы» (помещения усыпальницы) в располагавшееся на той же территории медресе Дорут-Тилияват (буквально: «Вместилище чтецов корана»). Прямое указание на это имеется у автора XVII века Малихо-и-Самарканди. Включение усыпальниц в здание медресе широко применялось позднее в восточно-тимуридском строительстве: например, в медресе Мухаммад-Султана в Самарканде (конец XIV века), медресе Мири-Араб в Бухаре (1535—1536) и др.

В 777 г. х. (1376) внезапно скончался любимец Тимура, наследник престола Джехангир. Привезенное в Шахрисябз тело его было предано временному погребению, а потом для него был воздвигнут особый, по словам Мухаммад-Хайдара, «очень красивый», мавзолей [7], охарактеризованный Шерефеддином, как «чрезвычайно высокое» здание.

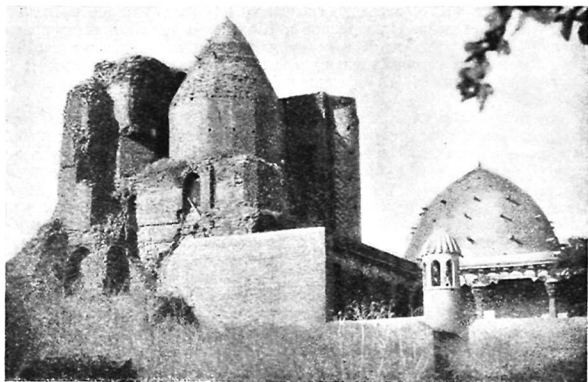
Когда в 796 г. х. (1394) в Курдистане был убит второй сын Тимура Омар-Шейх, тело его также перевезли в Шахрисябз, где оно было помещено в большом «многокупольном» здании усыпальницы, именуемой Шерефеддином [8] и Хафиз-и-Абру Дорус-Сидаат («Вместилище власти, могущества») [9]. Последний описывает это здание, как величественное сооружение, на поддержание которого было отписано много угодий и строений. Захиреддин Бабур, упоминая об этой усыпальнице, отмечает, что в ней находились места погребения Джехангира и некоторых других потомков Тимура [10]. То же утверждает и Шерефеддин, причем в его описании содержатся сведения, уточняющие топографическое местоположение этого памятника. Дорус-Сидаат лежал в квартале, от которого в сторону кыблы (т. е. в направлении на Мекку — на юго-западо-запад) находился мазар благополучного Шемседдина Куляра и место погребения отца Тимура — эмира Тарагая. «С правой и с левой стороны фаса» Дорус-Сидаат расположены были надгробия и усыпальницы эмир-заде Джехангира и других потомков Сахыб-Кырана («Обладатель счастливого созвездия» — эпитет Тимура). Далее говорится, что близ этой величественной постройки эмиры и сподвижники Тимура еще при жизни откупали места для погребения. Эти погребения расположены справа и слева от Дорус-Сидаат наподобие регулярно организованного военного лагеря [11].

Итак, к северо-востоку-востоку от кабра шейха Шемседдина Куляра (то-есть в сторону Хазрет-и-Имам и склепа Джехангира) при Тимуре был возведен чрезвычайно высокий мавзолей Джехангира, включенный в фасадную часть здания монументальной династической усыпальницы Дорус-Сидаат. Ее-то и имеет в виду посол короля Энрико Кастильского Рюи Гонзалес де-Клавихо, когда описывает роскошную «mazcira» — мечеть — термин, которым испанский рыцарь обозначал вообще культовые мусульманские сооружения, но который в этом буквальном своем значении прочно вошел в современную научную литературу.

Отмечая, что в «мечети» был похоронен Джехангир, описывая великолепие отделанного «золотом, лазурью и изразцами» здания, являвшего одну из достопримечательностей города, в котором производился прием посланников с пышным угощением, Клавихо сообщает чрезвычайно интересный факт, к которому мы еще вернемся в дальнейшем. В ней, говорит он, была «еще другая часовня, которую Тамурбек приказал построить для себя, чтобы быть там похороненным» [12].

Таковы известные нам исторические данные. Что же дает изучение в натуре самих сохранившихся памятников?

Здание Хазрет-и-Имам представляет очень стройный мавзолей с шатровым куполом на высоком шестнадцатигранном барабане и традиционным крестообразным планом интерьера. При анализе плана обращает внимание чрезмерная толщина его южной стены и наличие

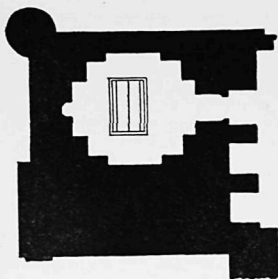

Мавзолей Хазрет-и-Имам. Вид с севера

мощной, круглой башни в северо-западном углу, чем совершенно нарушается симметрия общего объемного решения памятника. Это обстоятельство давно уже было отмечено Б. Н. Засыпкиным, высказавшим мысль, что «...южная стена, имеющая вверху некоторый напуск рядов кирпичной кладки, как это делается для пят сводов, является щековой стеной очень большой арки, а вся древняя сохранившаяся часть представляет собою весьма массивный пилон (какого-то большого здания) с угловым минаретом, в середине которого (пилона) помещен описанный столбообразный мавзолей» [13]. Далее Засыпкин указывает на неоднородность архитектурного стиля самого мавзолея и облицовки его внешних (кроме восточной) стен, но вместе с тем решительно отвергает возможность одновременности возведения мавзолея и портала, считая, что оба пилона — существующий с мавзолеем и ныне исчезнувший — южный, должны были выкладываться одновременно, ибо «...если бы здание не было кончено и не было бы второго пилона, то не стали бы делать облицовку и тем более подготавливать напуск рядов для свода, свесы которых наблюдаются» [14].

Остановимся на архитектуре мавзолея. Его объемный рисунок образуется высоким параллелепипедом основания, шестнадцатигранным стройным барабаном и коническим куполом. Внутри квадратное в плане помещение с неглубокими нишами. Оно представляется очень высоким, хотя бы при мысленной реконструкции внутреннего купола.

Куполов здесь не два, как отмечалось в литературе, а три.

Мавзолей Хазрет-и-Имам. План

Первый купол — наружный конический шатер, основанный на барабане, имеющем внутри 16 ребер жесткости. Так как на ребрах видны следы по крайней мере двухкратного ремонта (как бы с наращиванием кладки), не исключена возможность частичной более поздней перекладки барабана. В одной из работ, посвященной вопросу о генезисе шатровых перекрытий в архитектуре народов Востока, нами было показано, что возникновение формы мавзолеев с шатровым куполом связано со стародавними погребальными обычаями народов, населявших северные районы Средней Азии, чем объясняется и удивительная стойкость в них этой формы, применявшейся еще в недавние времена в надмогильных сооружениях киргизов и казахов [15].

Памятники этого типа широко представлены в Хорезме (известные мавзолеи Куня-Ургенча — так называемый мавзолей Фахреддина Рази, Текеша, Тюрябек-ханым, мавзолей Хасани Саурани на городище Ваенган и др.); в Киргизии (мазар Манас и др.); в Казахстане («Кесене», мавзолей Бабаджи-Хатун в с. Головачевка, мавзолей Байтака в Чкаловской области, Кок-Кесена в Сыгнаке и множество других безымянных). Вместе с тем в постройках Мавераннахр, где вообще традиционным типом перекрытия был сфероконический купол, шатровое перекрытие используется крайне редко и, кроме мавзолея Хазрет-и-Имам, представлено лишь памятником Чашма-Аюб в Бухаре.

Второй купол — внутренний конструктивный сфероконический, основанный на перспективных парусах, которые образованы двенадцатью перспективно-смыкающимися арочками. Переход от углов восьмигранника к куполу сглажен промежуточными конструктивными сталактитами, образованными трехрядным напуском кирпичей. Эта последняя форма, как и сталактитовые паруса, известна не только по мавзолеям XIV века в Касане [16], по сырцовым зданиям той же эпохи присурхандарьинской группы развалин старого Термеза [17], но и зарегистрирована в сырцовом строительстве значительно более ранних периодов, например, в Хорезме, в замке Мунчак-Тепе (Фергана) и др.

Третий купол — внутренний декоративный алебастровый, сохранившийся лишь частично в углах и образующий здесь сложную сталактитовую поверхность. Очевидно, как большинство такого рода куполов, он держался по контуру силой сцепления, а выше как бы висел на заделанных в толщу кладки деревянных «пальцах», которые в большом числе торчат и сейчас. Именно так был выполнен великолепный сталактитовый купол центрального помещения мавзолея Ходжа-Ахмеда Ясеви в г. Туркестане (1398) имевший восемнадцатиметровый пролет.

Описанная система трех куполов известна по сооружениям, возведенным не ранее XIV века, по так называемому мавзолею Тюрбек-ханым в Куны-Ургенче. Этот мавзолей, первоначально ошибочно относимый к 20-м годам этого столетия, в свете новых данных является фамильной усыпальницей династии Суфи^[18] и, следовательно, мог быть возведен по крайней мере в 70-х годах XIV века. Мавзолей Тюрбек-ханым имеет наружный конический шатер, внутренний конструктивный и внутренний декоративный купола.

Общность архитектуры мавзолея Хазрет-и-Имам и мавзолея Тюрбек-ханым в Куны-Ургенче дает основание предположить возможность участия хорезмских мастеров в сооружении последнего. Это участие могло иметь место с 1379 года, когда Тимуром из разоренного до тла Ургенча были выведены в Шахрисабз строители, возводившие, как указывают письменные известия, дворец Ак-Сарай. Близкую дату подсказывает и обращающее на себя внимание сходство мавзолея Хазрет-и-Имам с центральным элементом в композиции здания Чашма-Аюб в Бухаре, наново отремонтированного (не теми же ли ургенчскими мастерами?) при Тимуре в 785 г. х. (1383—1384)^[19]. В Чашма-Аюб можно видеть тоже квадратное помещение, перекрытое кирпичным куполом, на который подвешен сложный сталактитовый алебастровый купол, между тем как снаружи высится стройный барабан с коническим шатром.

Данные палеографии также позволяют отнести время возведения Хазрет-и-Имам примерно к третьей четверти XIV века.

Таким образом, дата возведения Хазрет-и-Имам располагается в пределах конца 70-х и начала 80-х годов XIV века. Выяснение личности безыменного Хазрет-и-Имам привело М. Е. Массона к выводу о полной неосновательности попыток отождествления с ним и Имамаб-Хусейна Шейбани по прозвищу Хазрет-Имам Багдади и Имама Мухаммад-Кеши. Прочтенные М. Е. Массоном надписи, имеющиеся на самом памятнике, показали догадку, что здание это было предназначено для погребения светского лица из царского дома. Ибо слово «султан» во внешних облицовках и иронический афоризм о мудреце, действующем с благим намерением, и глупце, уповающем на благие намерения, внутри мавзолея едва ли уместны для мазара имама.

Осмотр мавзолея в натуре показывает, что он был включен в устой монументального портала с башнями в углах и облицован глазированными кирпичами по трем наружным стенам. Сравнительно скромная толщина северной стенки мавзолея (с облицовкой в 6 кирпичей, или 1,80 м) асимметричная разбивка возвышающейся с восточной стороны подкупольной части мавзолея, немыслимая, в случае строго центрического решения, убеждает в правильности мнения Б. Н. Засыпкина об одновременности возведения мавзолея с общим массивом пештака того монументального комплексного здания, в устой которого он входил.

Мавзолей Хазрет-и-Имам. Купол

Все эти данные как нельзя более совпадают с указанием Шерефеддина на возведенный к концу 70-х годов «чрезвычайно высокий» мавзолей Джехангира, вkomпонованный по одну сторону фаса большого многокупольного здания Дорус-Снадат, местоположение которого определяется, как противоположное стороне кыблы (то-есть на северо-востоке) от кабра шейха Шемседдина Куляля. Приведенные выше соображения, сопоставленные со сведениями из письменных источников, позволили установить, что так называемый мавзолей Хазрет-и-Имам в действительности являет собой мавзолей Джехангира, вошедший в общий габарит большого комплексного здания фамильной тимуридской усыпальницы в Шахрисябзе — Дорус-Снадат.

Но что же представляет, в таком случае, так называемый склеп Джехангира, на который, очевидно, поздняя устная традиция перенесла имя этого царевича, некритически воспринятое и всеми изучавшими его исследователями?

Промером склепа, центр которого лежит на расстоянии 35 м от мнимого мавзолея Хазрет-и-Имама, была выяснена абсолютная параллельность их осей и совпадение одной из них с осью порталной арки, одну из щек которой образует южная стена мавзолея. Это подсказало вероятность включения склепа и располагавшейся над ним гурханы в комплекс Дорус-Сиадат. Расположением его на главной оси здания, видимо, подчеркивалось особо важное значение этого помещения.

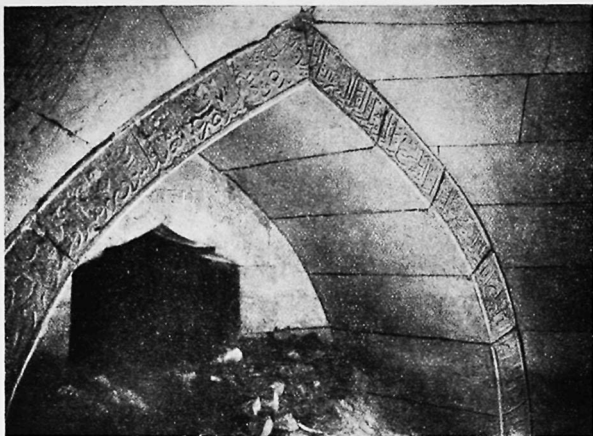
Склеп имеет крестообразный план, образованный за счет углублений арочных ниш. Он относительно невелик по размерам (около 3,5 м в стороне основного квадрата, имеющего срезанные под 45° углы при полутораметровой глубине ниш), но чрезвычайно параден в архитектурном убранстве. Не будет преувеличением сказать, что это самый роскошный склеп не только в Средней Азии, но вообще на мусульманском Востоке. С его царственным великолепием не выдерживает сравнения ни один из дошедших до нас тимуридских склепов Самарканда, ни невзрачный, видимо незавершенный отделкой, склеп Гури-Мира, где волей обстоятельств оказался погребенным сам Тимур, ни очень просторный, выстланный мраморными плитками и украшенный изящной мозаичной панелью склеп усыпальницы Ишрат-Ханы, где покоятся женщины и дети из дома тимуридов, ни облицованный гладкими мраморными плитами склеп мавзолея последних тимуридов — Ак-Сарая самаркандского.

Шахрисябзский склеп сплошь облицован белоснежным мраморовидным известняком. Полы и своды сложены из отшлифованных плит; стены и архивольты арок украшены изящными рельефными письменами.

Особенно интересен в склепе потолок. Он представляет собой пологий пирамидальный купол, облицованный плитами. Выяснить его конструкцию, может быть, аналогичную плоскому куполу склепа Гури-Мира, и сопряжение его с облицовочными плитами будет возможно лишь при соответствующем вскрытии. Но форма плафона, в котором в квадрат диагонально вписан другой квадрат, а в этот последний — восьмигранник, любопытна в том отношении, что она близко напоминает те своеобразные так называемые «кассетные» потолки, которые восходят к очень отдаленным временам. Они встречаются в Армении и Грузии, они зарегистрированы в Хотане, в пещерных храмах Бамнана и ряде других мест. Эти потолки, известные под термином «дарбазы», отмечены М. С. Андреевым во многих районах Средней Азии, особенно в горном Таджикистане и на Памире, где они сохранились в жилом строительстве до наших дней. Очевидно, структурная схема, сложившаяся в дереве и образованная опиранием балок по квадрату на столбы, с расположением последующего ряда диагонально первому, так что в конечном счете остается сравнительно небольшой просвет для освещения и дыма, впоследствии высекается и в камне.

В памятниках восточного Туркестана наблюдаются примеры, когда кассетный потолок утрачивает конструктивное значение, но, следуя традиции, его рисуют на гладком плафоне^[20]. Нечто подобное имеет место и в шахрисябзском склепе, где пологий пирамидальный купол облицован крупными мраморными плитами по принципу свода «дарбазы».

Можно предполагать, что в данном случае имеет место форма, сохранившаяся в традициях мастеров, перенесших в монументальную каменную архитектуру местные очень древние, первоначально деревянные формы перекрытия.

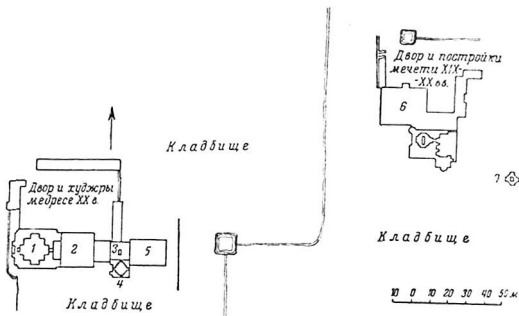

Склеп Тимура

В центре склепа стоит единственный, очень крупный беломраморный саркофаг с откинутой массивной крышкой с проржавевшими петлями для подъема. В крышке оставлено глубокое гнездо для будущей доски с эпитафией, которая так и не была начертана. Все данные говорят за то, что этот роскошный персинальный склеп являет собой упоминаемую Клавихо «капеллу», устроенную Тимуром для самого себя и предназначенную принять его тело. Подобно египетским фараонам, воздвиг при жизни средневековый среднеазиатский владетель место будущего упокоения для себя — основателя новой династии. Лишь внезапная смерть в феврале 1405 года и создавшаяся при этом сложная ситуация борьбы за престол привели к тому, что привезенное в Самарканд тело его было временно помещено в ханаке Мухаммад-Султана, а позднее предано погребению в прилежащем к ее дворику мавзолее Гури-Мир.

Теперь изложим тот ход исследования, который позволил воссоздать довольно детально план Дорус-Сидаат. Несмотря на отсутствие других, кроме мавзолея Джехангира, наземных построек, решение было подсказано сопоставлением его со склепом Тимура.

После уточнения по компасу ориентации главных осей склепа, которая, как оказалось, точно соответствует ориентации осей мавзолея, обмер и взаимная увязка этих двух помещений определили главную ось комплекса, соответствующую оси склепа на восток — запад. Симметричное северному устью пештака (в который встроен мавзолей Джехангира) расположение южного устоя (где, как явствует из текста Шерефед-

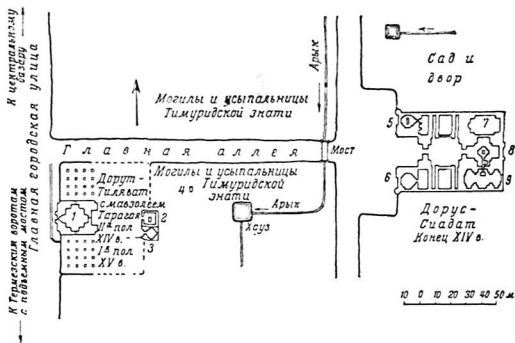

Генеральный план сооружений в юго-западной части Шахрисаяба:
1—Кул-Гумбаз, 2—мечеть XX века, 3—мазар шейха Куляля, 4—так наз. „Гумбаз-и-Се'аядан“, 5—мечеть XVI—XVII веков, 6—так наз. „Хазрет-и-Имам“, 7—так наз. „Склеп Джехангира“.

дина, была усыпальница родственников Тимура) определило пролет главной арки, равной примерно 20—21 м. Размер этот немногим меньше арки дворца Ак-Сарай, глубина которой примерно та же (около 14 м), и, судя по пяте, имеющейся в натуре (почти на самом верш полуобрушенного устоя, откуда начинается легкий напуск кирпичей), высота ее немногим уступала арке дворца.

Первоначально оставалось неясным, как группировались в этом комплексе постройки: вокруг двора, или, согласно высказанной Б. Н. Засыпкиным гипотезе, вокруг большого купольного помещения, аналогичного «казанлыку» мавзолея Хаджи-Ахмеда Ясеви в городе Туркестане^[21]. Взаимоотношение пештака со склепом позволяют склониться к последнему мнению, так как расстояние между склепом и щипцовой стеной пештака, не превышающее 25 м, слишком незначительно для двора. Если при этом расположить над склепом помещение гурханы Тимура (традиционной крестообразной формы), получится примерная конфигурация центрального зала, купол которого, возможно, соответствовал пролету порталной арки, то-есть равнялся приблизительно 20 м.

Дальнейшая расшифровка ансамбля базировалась на некоторых логических соображениях. С южной стороны в склеп ведет специальный люк для вноса тела, со входом в виде пологой стрельчатой арочки с заплечиками (такая форма, хорошо известная нам по изображениям на миниатюрах, встречается в орнаментике некоторых мозаичных панно Ак-Сарая). Будущая расчистка позволит установить точно место выхода люка к уровню пола. Подобные отлогие люки, устраивавшиеся в соответствии с правилами мусульманского погребального ритуала, согласно которому тело должно быть внесено в почти горизонтальном положении головой вперед, известны по двум более поздним тимурид-

Реконструкция плана ансамбля зданий XIV—XV веков в Шахрисаябе:

1 — Мечеть Улугбека 1435 года, 2 — мавзолей Шемседдина Кули, 3 — мабрат потомков Улугбека 1437/8 годы («Гумбаз-и-Сейдан»), 4 — могила Шемседдина султана, 1434/5 год, 5 — мавзолей Джехангира («Хазрет-и-Имам») 70-е годы XIV века, 6 — усыпальница потомков Тимура, 7 — мечеть, 8 — гурхана и склеп Тимура, 9 — мион-сарай

ским усыпальницам Самарканда: Ишрат-Хане и Ак-Сараю. В этих последних вход в люк вел из специального богато убранного помещения (так называемого «мион-сарая»). По аналогии располагаем в нашей реконструкции такой мион-сарай рядом с усыпальницей Тимура. В изголовьи, очевидно, с противоположной стороны, находилось помещение мечети (параллель — мавзолей Ахмеда Ясеви, Ишрат-Хана). Что же касается остальных промежуточных помещений, то о них можно судить лишь гадательно. Вероятно, это были более или менее обширные служебные комнаты, подобные комнатам мавзолея Ахмеда Ясеви.

Полная расшивка ансамбля с уточнением габаритов всех помещений вряд ли осуществима даже при постановке соответствующих раскопок, так как вся территория изрыта более поздними могилами. Но и эта первоначальная реконструкция с точки зрения историко-архитектурной чрезвычайно важна в том смысле, что она восполняет наши скудные познания о принципах планировки сложных архитектурных комплексов в строительстве Тимура. До сих пор мавзолей Ясеви по своей планировке стоял как-то обособленно в ряду среднеазиатских памятников. За исключением этого сооружения известные крупные памятники XIV — начала XV веков строились по принципу дворовых комплексов, где двор, играющий роль организующего пространственного центра, опоясывался остальными помещениями.

Мавзолей Ясеви и Дорус-Сидаат являют более сложные плановые организмы. Правда, и в них в основу положен некий центральный элемент, группирующий вокруг себя остальные, каковым является не двор,

но центральный зал. Эта идея достаточно стара и в Средней Азии известна еще по памятнику VIII—X веков, так называемому Кырк-Кыз в Термезе^[22]. Несколько иные, но также планировочно сложные решения можно указать для позднетимуридской эпохи (мавзолей Ишрат-Хана в Самарканде — около 1464 года^[23]) и раннешейбанидской (медресе Абусаид-хана с усыпальницей Кучунчихана в Самарканде — второе десятилетие XVI века). Теперь, после выяснения проблемы так называемого Хазрет-и-Имам, который оказался мавзолеем Джехангира и так называемого склепа Джехангира, который оказался склепом Тимура, как слагаемых огромной усыпальницы Дорус-Сиадат (внешние габариты ее равны примерно 70×50 м), выявляется факт формирования аналогичных комплексных решений еще в монументальном строительстве Тимура.

Решение реконструкции Дорус-Сиадат имеет значение, выходящее за пределы частного интереса, представляемого этим памятником. Прежде всего, это уже четвертое из дошедших до нас грандиознейших монументальных зданий Тимура, характерных однородной схемой фасадной композиции: пештак с громадной аркой, фланкированный мощными башнями. Таковы, кроме Дорус-Сиадат, дворец Ак-Сарай в Шахрисябзе (1380—1405), мавзолей Ахмеда Ясеви в Туркестане (около 1398) и соборная мечеть — так называемая Биби-ханым в Самарканде (1399—1405).

Большинство монументальных сооружений Средней Азии (к числу их принадлежат и памятники Шахрисябза) дошло до нас в полуразрушенном состоянии, являя обычно лишь фрагменты крупных планировочных комплексов, восстановить которые можно лишь приблизительно, путем сопоставления археологических и историко-архитектурных данных. Решение этой задачи позволило бы составить суждение о характере среднеазиатского монументального ансамбля, о специфике его пространственной организации и художественно-идеологических принципах, о роли и месте в структуре средневекового среднеазиатского города.

Монументальные здания Тимура трактуются как замкнутый от внешней среды объем. Во всем царит закон железной симметрии. В основе фасадной композиции лежит простая, ясная идея огромной порталной арки, устои которой фланкируют мощные угловые башни. Статического равновесия массива пештака не нарушает некоторая устремленность по вертикали и арки и башен, которую упорядочивает система типичных членений, в виде обрамляющих прямоугольных рам. При этом зодчий использует одну и ту же композиционную схему и в соборной мечети Самарканда, и во дворце Ак-Сарай, и в мавзолее духовного лица Хазрет Ахмеда Ясеви, и в династической усыпальнице Дорус-Сиадат. Абстрактный монументализм этих зданий, рассчитанный на подавление личности, на идеологическое утверждение идеи нерушимой власти восточного деспота, подчеркивается преобладанием объемной массы в окружающей пространственной среде. В этом отношении чрезвычайно характерны обе тимуровские постройки Шахрисябза — Ак-Сарай и Дорус-Сиадат.

Хотя Дорус-Сиадат располагается на просторной территории кладбища, но пространство площади при нем было невелико в сравнении с размером здания. Ее естественную границу образовывал протекающий в 40—50 м глубокий арык, обсаженный, как всегда в Средней Азии,

более или менее высокой зеленью. Из-за деревьев при приближении видна была лишь верхняя часть постройки, которая при переходе через мост вдруг открывалась массивом своего огромного пештака. Взамен естественной попытки фиксации размеров площади в пределах, обусловленных оптимальными условиями обозрения, налицо стремление подавить, потрясти, внушить идею власти — огромной, нерушимой, абсолютной. Гробницы и мавзолеи приближенных, сподвижников, военачальников Тимура, теснившиеся справа и слева от усыпальницы, своими скромными размерами лишь оттеняли ее величественные масштабы. Возможно, что слова историка «справа и слева» следует понять в том смысле, что эти постройки располагались по обе стороны аллеи, которую замыкал величественный Дорус-Сиадат, подобно тому, как мавзолей Кусам-ибн-Аббаса замыкал первоначальный коридор ансамбля Шах-и-Зинда. Косвенным подтверждением этого может служить поныне сохранившееся мраморное надгробие эмира Шуджаеддин Султана (1436—1437), расположенное к западу от Дорус-Сиадат.

Аллея связывала Дорус-Сиадат с другим, вышеупомянутым крупным архитектурным комплексом Дорут-Тилият, сочетавшим здание медресе с усыпальницами шейха Куляля, отца Тимура, эмира Тарагая и др., но окончательно оформившимися уже к эпохе Улугбека, воздвигнувшего здесь мечеть Кок-Гумбаз и так называемый Гумбаз-и-Сейидан^[24]. Однако этот комплекс мог бы стать темой специального очерка, и останавливаться на нем мы не будем.

Такова новая расшифровка некоторых памятников Шахрисябза, вводящая в литературу представление об одном из грандиознейших сооружений Тимура. Разумеется, изучение его не может быть этим ограничено. Хотя прилегающая территория искажена напластованиями множества могил, несомненно, что постановка раскопок, изучение кладок мавзолея Джехангира и пештака, изучение свода склепа, археологическое вскрытие саганы внутри него — таковы задачи будущих исследований династической усыпальницы тимуридов Дорус-Сиадат.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кун А. Л. Очерки шахрисябзского бекства. Записки Русского Географического Общества, СПб, 1880, стр. 224—228.

2. Бартольд В. В. О погребении Тимура. Записки Восточного отделения археологического общества, т. XXIII, 1915, стр. 4-6.

3. Якубовский А. Ю. ГАИМК—ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, т. VI, М.—Л., 1940, стр. 16.

4. Засыпкин Б. Н. Архитектурные памятники Средней Азии и их реставрация. Вопросы реставрации, Л.—М., 1928, стр. 60—61.

5. Маэсон М. Е., Пугаченкова Г. А. Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке (историко-топографический раздел написан первым автором, историко-архитектурный — вторым). Аннотация опубликована в бюллетене Среднеазиатского Государственного Университета, вып. 23. Ташкент. 1945, стр. 182—186.

6. Бартольд. Цитируемое сочинение, Стр. 4.

7. Elias, N. (Ed.). Denison Ross, E. (transl.). A History of Moghols of Central Asia being the Tarik-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat. Ed. II, London, 1898, p. 48.

8. Cherefeddin Ali, natif d'Iezd. Histoire de Timur-Beg. Trad. par Petis de la Croix. Adelet, 1723, p. 270, 272—273.

9. Бартольд В. В. Хафиз-Абру и его сочинения. «Ал-Музаффарий». Сборник статей учеников бар. Б. Р. Розена. СПб, 1897, стр. 19.

10. Mémoires de Baber. Trad. par Pavel de Courteille. T. I. Paris, 1871, p. 106.

11. Cherefeddin, op. cit., p. 272—273.

12. Клавихо, Рюи-Гонзалес-де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 годы. Пер. Н. И. Срезневского, СПб, 1881, стр. 433—434. В литературе некоторую путаницу внесло указание Клавихо, будто в этой «мечети» находилась также часовня (capilla), с погребением отца Тимура, в действительности, как явствует из данных восточных авторов, которым в этом случае есть основание больше верить, располагавшимся у кабра шейха Куляля.

13. Засыпкин Б. Н. Цитируемое сочинение. Стр. 58—59.

14. Там же.

15. Пугаченкова Г. А. Мавзолей с шатровым перекрытием в архитектуре народов Востока. Аннотация — ср. рефераты научно-исследовательских работ АН СССР. Отделение литературы и языка. М.—Л., 1945, стр. 24.

16. Засыпкин Б. Н. Архитектурные памятники Ферганы. Искусство Средней Азии. М., 1930, стр. 65.

17. Бачинский Н. М. Сырцовые здания Древнего Термеда. Термезская Археологическая экспедиция, т. II, Труды АН УзССР, Ташкент, 1945, 205, 213.

18. Массон М. Е. К вопросу о датировке некоторых памятников среднеазиатской архитектуры. Рукопись. Аннотация. Бюллетень Среднеазиатского государственного университета, т. 23. Ташкент, 1945, стр. 184—185.

19. Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936, стр. 50. М. Е. Массон полагает, что последняя, полустершаяся цифра позволяет скорее читать дату как 780 г. х. (то-есть 1379).

20. A. von Le-Coq. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Berlin, 1925, s. 31—32, fig. 231—236, 240, 242, 244.

21. Массон М. Е. Мавзолей Ходжа-Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930. План мавзолея на стр. 16.

22. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры Термезского района. Культура Востока. Л.—М., 1927, рис. 12—13.

23. План Ишрат-Ханы — ср. Массон М. Е. Ишрат-Хана и фрагмент ее панели. Сборник в честь В. В. Бартольда, Ташкент, 1927, стр. 174.

24. В действительности, как установлено чтением М. Е. Массоном исторической надписи в интерьере памятника, Гумбаз-и-Сейдан никакого отношения к термезским сейидам не имеет, но представляет макбарат (мавзолей) родственников и потомков Улугбека, воздвигнутый им в 837 г. х. (1439).

Н. И. Френкель

АРХИТЕКТОР

МАВЗОЛЕЙ АБУБЕКР МУХАММЕД КАФФАЛЬ-ШАШИ В ТАШКЕНТЕ

В северной части Ташкента, на бывшем кладбище, в махалля Мазарахан находится один из немногих сохранившихся в Ташкенте памятников монументальной архитектуры — мавзолей Абубекра Мухаммед Каффаль-Шаши, так называемый Хазрет-и-Имам.

Абубекр Мухаммед Каффаль-Шаши, умерший в 976 году, считается распространителем ислама шафинитского толка в Ташкентской области^[1]. Феодалная верхушка и духовенство, бывшие последователями шафитства, после смерти имама, признали его «святым» и окружили почитанием могилу. Впоследствии над могилой был воздвигнут мавзолей^[2], а вокруг него постепенно разрослось кладбище, которое в настоящее время занимает небольшую территорию у южной стены мавзолея.

Мавзолей расположен на платформе в 2 м высотой, благодаря чему небольшое сравнительно сооружение доминирует над прилегающей местностью. С северной стороны к платформе ведет выступающая лестница, заканчивающаяся небольшой отдельно стоящей аркой. Кладбище у мавзолея обнесено кирпичной стеной. Западная сторона этой стены снаружи глухая, внутри обработана плоскими арочными нишами. Южная и восточная ее стороны имеют арочные проемы, забранные простой деревянной загородкой. Южный угол ограждающей стены заканчивается кирпичной трехчетвертной колонкой.

Лестница, арка и стена, окружающие кладбище, сложены из русского кирпича старого стандарта. По словам местных жителей, все это пристроено в конце прошлого столетия. Находящаяся на той же платформе к западу от мазара каркасная кари-хона (помещение для чтецов корана) также недавнего происхождения.

На участке перед главным фасадом теперь разбит небольшой сад.

Объемная композиция основного объекта — кубическая, с одним главным и двумя второстепенными входами. Основное помещение плана крестообразное. Ветви «креста» имеют проемы, выходящие наружу. С северной стороны организован главный вход в виде традиционного пештака; с восточной и южной — второстепенные входы, помещенные

в глубокие арочные ниши. Западная ветвь «креста» представляет собой граненую абсиду (квадрат с двумя срезанными углами), в которой помещается сагана — надгробие Абубекра Мухаммед Каффаль-Шаши. С наружной стороны абсида имеет вид половины шестигранника.

В северном и северо-восточном пилонах устроены небольшие помещения, расположенные в четыре яруса. Всю высоту пилонов пронизывает лестница, выходящая через четвертый этаж на крышу. Лестница эта винтовая и очень крутая (высота ступеней 40—50 см), по обрезу ступеней проложены деревянные брусья. Верхние части пилонов, возвышающиеся над кровлей, облежены невысокими, глубокими нишами.

Кровля плоская, земляная. Наружные стены постройки имеют талос. На уровне третьего этажа, в толще щипцовой стены портала, устроен сводчатый переход, соединяющий помещения в пилонах. Переход этот разделен на три части: две крайние, более низкие, перекрытые стрельчатыми сводами, и среднюю, более высокую, характер перекрытия которой не удалось определить, так как свод покрыт штукатуркой. Ориентировочно можно предполагать его таким же, как свод над абсидой, описание которого приводится ниже. На главный фасад переход открывается тремя проемами стрельчатого очертания, средний из которых, отвечающий более высокому помещению, значительно больше крайних.

В юго-восточном и юго-западном устоях расположены двухэтажные худжры. Южная стена с наружной стороны имеет большие стрельчатого очертания ниши (в плане половина восьмигранника), выходящие на маленькое кладбище, примыкающее к южному фасаду. Ниши перекрыты сомкнутыми пятилопастными сводами.

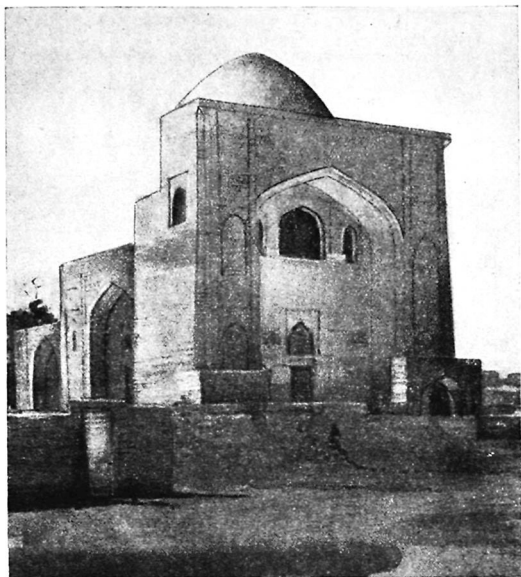
Перекрытие основного помещения представляет собой двойной кирпичный купол; внутренний, довольно плоского очертания, и внешний, поднятый на высокий конический барабан (обычно барабан бывает цилиндрический). Основание барабана граненое, как и в мавзолеях Барак-хан № 2 и Юнус-хан в Ташкенте, Ак-Сарай и Ишрат-Хана в Самарканде.

Кривую наружного купола установить не удалось, так как купол теперь покрыт железной кровлей, искажающей его форму. Через отверстие, имеющееся в барабане, можно видеть нижнюю поверхность наружного купола, менее пологого, чем внутренний. Оба купола связаны между собой шестью кирпичными ребрами жесткости.

Архитектор К. Щербина-Крамаренко в своем описании памятника, характеризуя купол, указывал, что он «...по легкости, красоте и логичности едва наклонных линий барабана, переходящих к собственно куполу небольшим свесиком... нисколько не уступит многим современным подобным сооружениям» [3].

В 1941 году кафедрой истории архитектуры строительного факультета Среднеазиатского индустриального института этот объект был обмерен в порядке проведения обмерной архитектурной практики студентов. Будучи одним из руководителей этой практики, автор частично использовал в этой статье графические материалы.

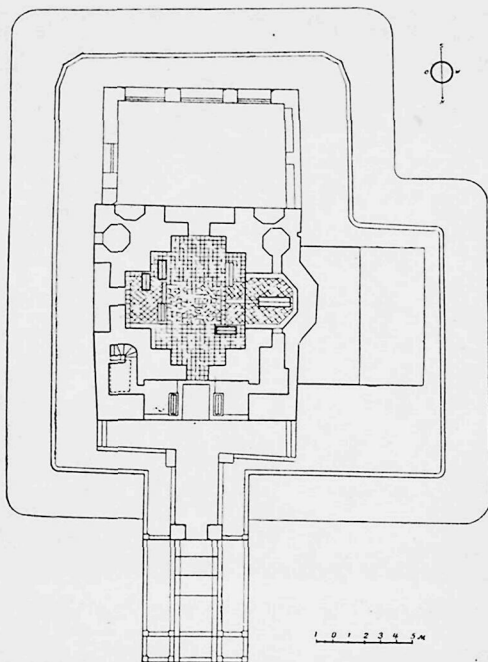
Мавзолей, квадратный в плане, имеет 13,5 м в наружной стороне квадрата и 6 м во внутренней его стороне, не считая ветвей «креста». Ниши, придающие плану крестообразный характер, при одинаковой ширине имеют разную глубину. В глубине абсиды размещаются маленькие двери, ведущие в угловые помещения.

Мавзолей Абубекр Мухаммед Каффаль-Шаши в Ташкенте. Общий вид

Камера, находящаяся в северо-западном пилоне, имеет второй вход в правой щеке арки главного портала через маленькую дверцу. В помещении северо-восточного пилона ведет только один вход в левой щеке арки главного портала, и с внутренним пространством мавзолея оно не сообщается. Помещения второго и третьего этажей имеют окна стрельчатого очертания, выходящие на боковые фасады, четвертый этаж выходит на кровлю. Описанные помещения небольших размеров, по форме прямоугольные, в настоящее время перекрыты сводками системы «балхи».

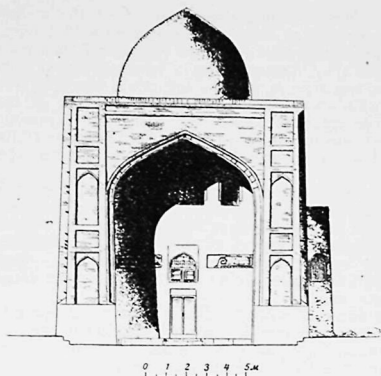
Двухэтажные худжры, расположенные в юго-западном и юго-восточном углах в первом этаже, восьмигранные, а во втором имеют круглую форму диаметром 1,75 м. В юго-западном устое худжра первого этажа имеет вход из абсиды. Худжра второго этажа связана с внешним пространством только маленькой отдушиной, выходящей на западный фа-

Мавзолей Абубекр Мухаммед Каффаль-Шаши. План

сад здания, и потому недоступна. В юго-восточном устье худжра первого этажа первоначально была открыта с наружной стороны и не имела связи с интерьером [4]. Теперь этот вход замурован, и помещение ее стало недоступным. Худжра второго этажа имеет окно, выходящее на восточный фасад.

Дверные проемы при одной высоте — различной ширины; в гранях западной стены абсиды расположены три окна стрельчатого очертания. На высоте 6,70 м от пола проходит ярус парусов высотой 1,65 м, на котором покоится внутренний купол. Паруса представляют собой половины сомкнутых сводиков. Высота от пола до центра купола 11,25 м.

Мавзолей Абубекр Мухаммед Каффаль-Шаши. Главный фасад

Фактура наружных стен памятника — кирпичная. Кирпич размером $25 \times 25 \times 5$ см — тесаный. Теска кирпича облицовки южного и восточного фасадов выполнена более тщательно, чем северного и западного фасадов. Юго-восточный угол фланкирован кирпичной колонкой узорной выкладки, в которой чередуют кирпичи, положенные вертикально и горизонтально.

Барабан купола оштукатурен, и под его обрезом идет полоса орнамента, нанесенного синей краской. Переход от барабана к куполу осуществлен одним рядом кирпичей, положенных углом.

Майоликовая декорация отсутствует, за исключением остатков полосы с надписью на щипцовой стене главного портала. Редкие цветные кирпичики, находящиеся в арке пештака, помещены туда во время ремонта, проведенного Узкомстарисом в 1933—1934 годах. В паспорте Узкомстариса на этот мавзолей сказано: «Памятник подвергался многократному ремонту и реставрации в разное время своего существования...» «Верхняя часть портала, выше пят, часть боковых стен, четыре внутренних арки и наружный угол перестроены».

Строительство мавзолея, очевидно, не было завершено. Об этом говорят выпуски кирпича в углах портала, где по традиции должны были бы поместиться угловые колонки.

Следует отметить, что отсутствие изразцовой декорации не может являться доказательством незаконченности, так как в строительстве Средней Азии и вообще стран Востока в частности в XV и XVI веках наблюдалась параллельность выполнения основных строительных и отделочных работ (Бехзад — миниатюра) [5]. Это положение подтверждается данными, полученными Среднеазиатской экспедицией под руко-

водством М. Е. Массона при раскопках мавзолея Ишрат-Хана в 1940 году, и загородного дворца Улугбека Чинни-хана в 1941 году.

Главный фасад мавзолея Абубекра Каффаль-Шаши представляет собой порталную арку, тимпан, узкую прямоугольную полосу над ним (возможно на ней предполагалась надпись), боковые устои, разбитые неширокими поясами на ряд плоских стрельчатых и прямоугольных панно. Обычные угловые колонки, как уже было сказано, отсутствуют. Архивольт арки срезан под углом 60°. Высота пештака 12,10 м от уровня платформы. Высота до вершины наружного купола ориентировочно 16,40 м.

Щипцовая стена оштукатурена. Над входной дверью окно стрельчатого очертания такой же ширины, как и дверь. Проем заполнен деревянной решеткой сложного растительного орнамента. Рисунок несколько груб, но выразителен. Судя по состоянию дерева, решетка достаточно древнего происхождения. Стрельчатый проем вписан в плоскую прямоугольную нишку. По бокам его находятся упомянутые выше фрагменты изразцовой декорации.

В верхней части щипцовой стены расположены три проема стрельчатого очертания, вписанные в прямоугольные ниши. Это — окна из перехода, соединяющего помещения в правом и левом пилонах. С правой стороны из-за пештака виднеется выступающая абсида.

В интерьере сохранились некоторые остатки архитектурного убранства; абсида, где находится большая оштукатуренная сагана, отделена от основного помещения деревянной наборной решеткой-панджарой геометрического узора с резной дверью для входа за оградой.

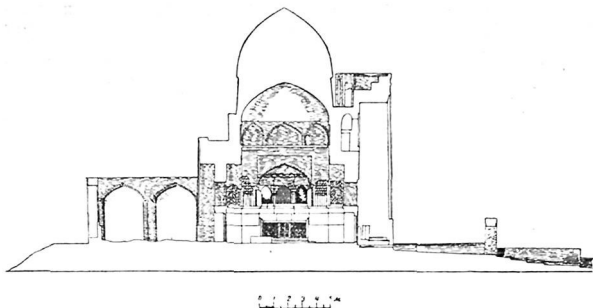
По низу стены проходит штукатурная панель высотой в 2,51 м с одним уступом, завершенная поясом с выступающей полочкой. Выше начинается ганчевая декорация из плоских сталактитов с характером лепки, зачастую присущим парусам, образованным пересекающимися арками. На восточной и западной щеках арок сохранились остатки резьбы по ганчу — орнамент геометрического рисунка.

В восточное и южное окна вставлены узорные деревянные решетки. Окна западной граненой стены абсиды забраны решетками, выполненными из глазированных кирпичиков. Узор решетки — шестиугольники, примыкающие друг к другу.

Центральный квадрат помещения выше арок «ветвей креста», обведен деревянными брусьями, положенными заподлицо с кладкой. Внутри помещения и снаружи над всеми проемами (кроме главного входа) в кладку заложены деревянные брусья. Этот же прием применен и в абсиде, в которой, кроме того, в стене над средним окном устроена разгрузочная арочка.

Своеобразно перекрытие абсидальной ниши: на пятигранном основании возведен очень пологий купол. На четырех углах поставлены арочные тропмы. Между угловыми тропмами промежуточных арочек на стене нет и кладка стен продолжается между тропмами горизонтальными рядами до уровня шельг тропмовых арок. На этом уровне начинается кольцо свода, но оно не замыкается, так как расположено ниже шельги арки, открывающейся в абсиду из основного помещения. Кольцо имеет эллиптическое очертание с большой осью, направленной поперек абсиды.

Сохранившиеся остатки сталактитов указывают, что абсида была отделана штукатуром. Пол, выстланный квадратным кирпичом, разбит поло-

Мавзолей Абубекр Мухаммед Каффаль-Шаши. Разрез

сами кладки, идущими с севера на юг и с востока на запад по двум взаимно перпендикулярным осям. На пересечении осей, в центре помещения выложен квадрат, а в него вписан круг.

Небольшой по своим основным размерам мавзолей выглядит достаточно монументальным, что обусловливается и своеобразной постановкой сооружения на платформе (возможно образовавшейся позднее, в связи с выемкой окружающего грунта) и самим сочетанием и обработкой объемов.

Основной куб, несущий граненое основание барабана, конический барабан, увенчанный стрельчатым куполом, северный портал, поднимающийся выше барабана, пристроенная с юга ограда, несколько более низкая, чем основной куб, с любой точки зрения, кроме фронтальной, включаются в общую композицию сооружения и дают четкий абрис нарастающих объемов.

Кирпичная фактура здания подчеркивает его массивность. Этому же способствует и некоторая немасштабность проемов в этажных членениях. Главный и второстепенный входы невелики (высота проема меньше двух метров). Малы и оконные проемы; расположенные на некотором расстоянии над дверями, они воспринимаются не как завершение дверного проема, а как отвечающие следующему этажу.

Этажная разбивка внутреннего пространства пилонов, небольшие окна, выходящие на боковой фасад, маленькие двери, ведущие в лестничные помещения, — все это также способствует восприятию формы, как более крупной, чем она есть в действительности.

Такое же впечатление производит пристроенная позже маленькая арка (в свету — 1,35 м ширины и 2,00 м высоты), завершающая ведущую на платформу лестницу.

Мнения о датировке мавзолея Каффаль-Шаши различны — Л. Н. Воронин и Ш. Е. Ратия относят памятник к XIV веку^[6]. Археолог Я. Гу-

лямов указывает начало XV века (1408—1409). В. А. Шишкин передвигает его в XVI—XVII века [7]. Такой разницей в датировке заставляет внимательно просмотреть этот объект.

Обращает на себя внимание переход от квадрата основного помещения к куполу, осуществленный при помощи яруса тропмов. Но это не рамный ярус, который имеет место в развитых образцах этого вида субструкции. Здесь отсутствуют вертикальные членения между арочками и верхняя горизонтальная лента, поэтому сферические треугольники между тропмами и арочками на стене являются продолжением поверхности купола. Подобный прием встречается в очень ранних образцах (мечеть Хазара VIII века). Уже в X веке вырисовывается рамный пояс, отделившийся от стены и от купола — мавзолеев саманидов в Бухаре. Заполнение промежутка между арочками выполнено рядами горизонтальной кладки, переходящей затем (на уровне шельг арок) в кольцо купола.

На северной стене по заполнению проложены кирпичи, дающие декоративную разбивку поверхности на щитовидные паруса из трех щитков, причем эти щитки только очерчены по контуру, а само заполнение выложено горизонтальными рядами кирпича и лишь один щиток (средний слева) выложен «в елку». На западной стене в левом треугольнике, также на горизонтальном заполнении, очерчен один декоративный щиток.

Щитовидные паруса, выложенные «в елку», встречаются в комбинации с тропмами. Например, в мечети Биби-ханым в Самарканде (1404) промежутки между тропмами и арочками на стенах заполнены щитками, выложенными «в елку».

Дальнейшее развитие конструкции привело к системе перекрытия, основанного на пересекающихся подпружных арках. В этой системе щитовидные паруса являются органической частью конструкции.

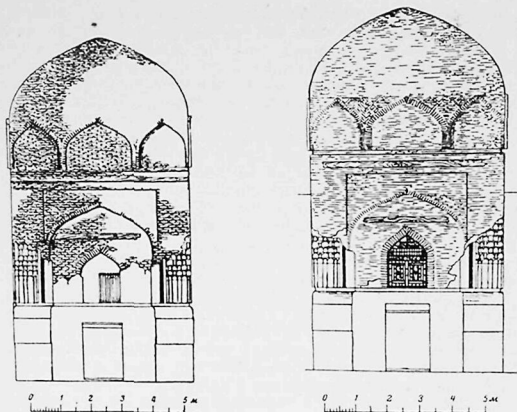
Система перекрытия, основанного на пересекающихся подпружных арках, по своей сущности резко отлична от системы перекрытия, основанного на ярусе тропмов.

Купол на ярусе тропмов должен быть возведен на квадратном основании. И так как силы распора приложены по периметру восьмигранника, для погашения этих усилий необходимы мощные стены. Отсюда типичный квадратный план помещений, перекрытых куполом на парусах.

Система перекрытий на пересекающихся подпружных арках и щитовидных парусах, основанная на другой статической схеме (силы распора приложены в углах прямоугольника), привела к изменению конфигурации плана перекрываемого помещения. Это позволило «открыть» подкупольное помещение, развить план из квадратного в «крестообразный», перейти от квадрата к прямоугольнику и многоугольнику.

При анализе мавзолея Абубекра Каффаль-Шаши бросается в глаза несоответствие между системой перекрытия (купол на восьмигранном ярусе тропмов) и типичным для более поздней системы перекрытия на пересекающихся подпружных арках и щитовидных парусах «крестообразным» планом.

Следует отметить еще то обстоятельство, что, если в ранних образцах применения новой системы перекрытия зодчий осторожно подходил к организации опор, то, по мере ознакомления с работой конструкции, строители убедились в возможности некоторого облегчения угловых устоев.

Мавзолей Абубекр Мухаммед Каффаль-Шаши. Детали разреза

В памятниках XV—XVI веков наблюдается последовательное освобождение этих массивов. В более ранних это достигается путем устройства в них лестниц, позже в массивах кладки организуются помещения иногда в несколько ярусов.

Трудно предположить, что строители, заложившие памятник по существующему плану, следовательно, достаточно хорошо знавшие работу конструкции (об этом говорят облегченные угловые массивы), не справились с самим перекрытием. Памятник либо остался незавершенным и был впоследствии закончен малоквалифицированными мастерами, но об этом нет никаких сведений, либо, как указано в паспорте Узкомстариса, «может быть купол был переделан Абдулла-ханом...», но все же очень неопытными мастерами.

Абсидальная ниша исследуемого объекта не может быть признана михрабом. Против этого говорят ее размеры: глубина 3,50 м, высота 6,00 м.

При сравнении планировки мавзолея Каффаль-Шаши с другими архитектурными памятниками Средней Азии усматривается весьма ограниченное количество сооружений подобного типа; так например, крупные, обращенные к северу ниши, имеются в мавзолеях Юнус-хана (конец XV—начало XVI веков) в Ташкенте и Пахлаван Махмуда (XIX век) в Хиве.

Сравнивая конструкции исследуемого памятника с аналогичными объектами, можно сделать следующие выводы:

а) Сооружение выстроено специально, как мавзолей, для чего в композицию плана введена большая абсидальная ниша, и вне зависимости от того, покоится ли там прах имама или нет, сагана поставлена над местом предполагаемого погребения Абубекра Мухаммед Каффаль-Шаши.

Находящиеся в мавзолее другие пять погребений имеют второстепенное значение и расположены бессистемно. Также второстепенное значение имеют два погребения, расположенные в арке главного портала.

б) Первоначальное перекрытие определяется как основанное на системе пересекающихся подпружных арок и щитовидных парусов. Об этом свидетельствуют «крестообразный» план, «облегченные устои» и наличие фрагментов декоративных ганчевых сталактитов.

Когда же был воздвигнут интересующий нас мавзолей?

Так как зарождение данной конструктивной схемы относится к началу XV века (мавзолей Туман-ака, чортак Шах-и-Зинда в Самарканде 1434—1435), то, учитывая запоздание в принятии новых форм Ташкентом, как провинцией, куда новинки техники могли доходить позднее, мавзолей Каффаль-Шаши никак не может быть отнесен к 1408—1409 годам, а тем более к XIV веку.

Он мог быть построен не ранее середины XV века.

Для определения верхнего предела возможного времени возведения мавзолея обратимся к исторической обстановке, имевшей место в стране в интересующий нас период.

В середине XV века на государственную арену выдвигается шейх Ходжа-Ахрар. Будучи воспитателем царевича Ахмед-Мирза, который совершенно не занимается государственными делами, Ходжа-Ахрар становится фактически правителем Самарканда.

Он был не только видным государственным деятелем, но и крупным собственником. В ряде городов (Самарканд, Кабул, Ташкент) были на его средства воздвигнуты некоторые культовые здания. Из-за скупости строителя они имеют небольшие размеры и бедное убранство. Из личных расчетов Ходжа-Ахрар ввел в Ташкенте культ могилы шейха Хавенд-и-Тахура (по народному прозвищу Шейхантаура), бывшего его дядей. В это время почитание могилы Абубекра Каффаль-Шаши замирает^[8].

Вряд ли расчетливый политик Ходжа-Ахрар отпускал средства на строительство мазара над прахом соперника своего «святого» родственника.

Мавзолей очевидно был построен до возвышения Ходжа-Ахрара, так как с одной стороны — мазар Каффаль-Шаши упоминается в письменных источниках, как существовавший в XV веке, — с другой стороны — после смерти Ходжа-Ахрара культ мазара шейха Хавенд-и-Тахура еще долго поддерживался мусульманским духовенством, поскольку паломники своими приношениями давали шейхам большой доход^[9].

Исходя из всего вышесказанного, приходится отказаться не только от XVII, но и от XVI и даже от конца XV веков, как времени возведения мавзолея Каффаль-Шаши.

Точнее время его сооружения можно определить путем сравнения с некоторыми датированными памятниками.

В мавзолее Ишрат-хана в Самарканде (1464) угловые устои освобождены за счет устройства в них лестниц.

В мавзолее Юнус-хана (последняя треть XV—начало XVI века), угловые массивы облегчены максимально. Помещения расположены в

два этажа и перекрыты куполками на щитовидных парусах. Применение этой системы для перекрытия помещений прямоугольного очертания указывает на хорошее знакомство строителей с данной конструкцией.

Мавзолей Каффаль-Шаши, имея более развитую планировку центра, чем мавзолей Ишрат-Хана, несколько уступает в этом отношении мавзолею Юнус-хана. В мавзолее Юнус-хана все помещения прямоугольного очертания, наиболее трудного для перекрытия, в мавзолее Каффаль-Шаши часть помещений — круглые и восьмигранные, более простые в производстве работ. Из всего сказанного ясно, что мавзолей следует отнести ко времени не позже середины XV века, точнее — к второй четверти XV века.

Мавзолей Абубекра Мухаммеда Каффаль-Шаши, не будучи первоклассным образцом местной архитектуры, имеет для нас известную ценность, представляя собой одно из звеньев на пути развития типа среднеазиатского мавзолея, в особенности среди объектов, использовавших конструктивную систему, наиболее совершенную из ряда систем, разработанных исторической архитектурой Узбекистана.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шишкин В. А. Города Узбекистана. Ташкент, 1943, стр. 30.
2. Массон М. Е. Из прошлого Ташкента. «Пионер востока», 1939, № 55.
3. Щербина-Крамаренко К. Н. По развалинам Средней Азии. «Зодчий», СПб, 1896, в. V, стр. 34—35.
4. Щербина-Крамаренко К. Н. Хозрет-Имам в Ташкенте (рисунок). Ежегодник Общества архитекторов-художников, СПб, 1913, № 8, стр. 202.
5. Якубовский Ю. Г. Самарканд при Тимуре и тимуридах. Л, 1933, рис. 1, иллюстрация к «Зафар-Наме».
6. Ратия Ш. Е. и Воронин Л. Н. Мавзолей Барак-хан. «Архитектура СССР», 1936, № 11, стр. 70.
7. Шишкин В. А. Цитируемая работа.
8. Массон М. Е. Цитируемая работа.
9. Семенов А. А. Уникальный памятник агиографической среднеазиатской литературы XVI века. Известия Узбекстанского филиала Академии наук СССР. Ташкент, 1943, № 23, стр. 37.

В. Л. Воронина
КАНДИДАТ АРХИТЕКТУРЫ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В Средней Азии еще много неизученных архитектурных памятников. Существование некоторых из них обнаружено лишь недавно. В печати они почти или совершенно неизвестны. Мы даем краткое описание четырех таких памятников с различными стилистическими данными и датировкой.

Мавзолей — мечеть Ходжа-Иса близ Ширабада Сурхан-Дарьинской области УзССР, упоминается в очерке Д. Г. Логофета «В горах и на равнинах Бухары»: «...в 7-ми верстах от Ширабада расположена древняя мечеть Ходжа-Иса, построение которой относится к 8-му или началу 9-го века»^[1]. В 1938 году памятник обследован Г. В. Парфеновым при участии Ломаева (обмер плана и фотографирование), а в 1945 году обмерен и обследован экспедицией Музея восточных культур и Государственного научно-исследовательского института искусствознания Узбекистана^[2], по материалам которой и публикуется.

Мавзолей Наринджан-баба в Каракалпакской АССР открыт и обследован в 1937 году экспедицией Московского отделения государственной Академии истории материальной культуры имени Н. Я. Марра и Музея искусств Узбекистана (А. И. Тереножкин, И. П. Завалин), обмерялся также экспедициями Московского отделения института истории материальной культуры Академии наук СССР (В. А. Лавров, 1940) и Узбекстанского Комитета по охране памятников старины и искусства (Б. Н. Засыпкин, Т. С. Страмцова); краткие сведения о памятнике и фотографии терракотового надгробия приведены в книге Денике «Архитектурный орнамент Средней Азии»^[3]. В данном случае публикуется по материалам Хорезмской экспедиции Академии Наук СССР 1945 года (обмер автора).

Мечеть намазго в Карши впервые обмерена экспедицией Узбекстанского научно-исследовательского института искусствознания в 1940 году (архитекторы В. Л. Воронина и Г. И. Гаганов). В литературе о ней упоминаний нет.

Мавзолей «Ходжамны Кабры» в Намангане обнаружен и обследован в 1938 году экспедицией Узкомстариса (А. К. Писарчик и В. Л. Воронина). Этот мавзолей, как и каршинская намазго, публикуется впервые^[4].

Каждый из названных памятников, как это будет видно из дальнейшего, пополняет собой известную архитектурную группу, то-есть достаточно типичен для определенной эпохи, за исключением последнего, который возрождает весьма древние декоративные приемы.

I. МАВЗОЛЕЙ ХОДЖА-ИСА

Мавзолей-мечеть Ходжа-Иса расположен близ кишлака того же названия в шести километрах к юго-востоку от Ширабада. Его своеобразный трехглавый силуэт с шапками аиновых гнезд на каждом куполе рисуется издали на ровной пустынной местности. Он стоит уединенно рядом со старым кладбищем и обнесен разрушенным дувалом вместе с небольшим садиком и пересохшим хаузом. Около сорока лет назад к восточной стороне мавзолея пристроен во всю его длину просторный айван в два ряда столбов из жженого кирпича русского образца, заслоняющий фасад памятника, тогда же вставлены новые алебастровые решетки в окнах и резные двери.

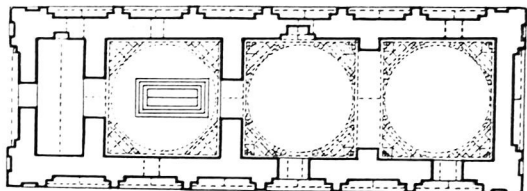
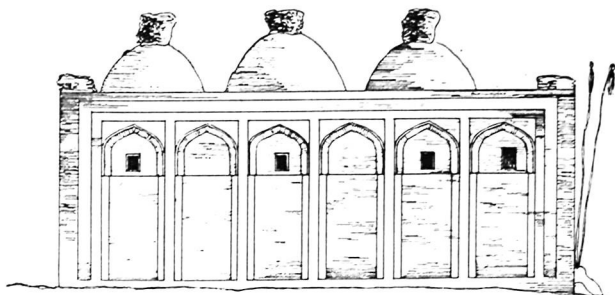
Мавзолей, довольно скромный по убранству, по формам выпадает из типа общеизвестных построек этого рода и представляет значительный интерес.

Корпус здания вытянут по оси север-северо-запад — юг-юго-восток. Конфигурация плана элементарна — прямоугольник $19,5 \times 6,7$ м, расчлененный на три квадратных купольных зала. Первый из них с юга и представляет собственно мавзолей, которому предшествует узенькая передняя с пониженным уровнем пола.

Вход мавзолея расположен в торце здания. Оштукатуренное алебастром, закрытое покрывалами надгробие стрельчатого сечения покоится на трех ступенях. Центральное помещение с михрабом, отделенное от мавзолея сложной из кирпича решеткой^[5], является мечетью и выходит дверью на восток. Третье помещение с выходом также на восток составляет часть мечети и отделено от центрального только широкой аркой. Дверные проемы, как уже было отмечено, переделаны в недавнем прошлом. Внутренний габарит квадратных залов — от 4,30 до 4,50 м в стороне, ширина передней 1,80 м.

Стены сложены из жженого кирпича 24—25 см в стороне и 4,5—5 см толщиной на глиняном растворе (10 рядов кладки со швами—52—53 см). Толщина стен колеблется от 0,81 м (восточная) до 0,90 м (поперечные); южная стена несколько тоньше — 0,70 м. Поверхность стен не оштукатурена ни снаружи, ни внутри. Покрывают ганчем лишь архивольты арок в интерьере, михраб и низенький цоколь в мечети на высоту четырех рядов кирпича.

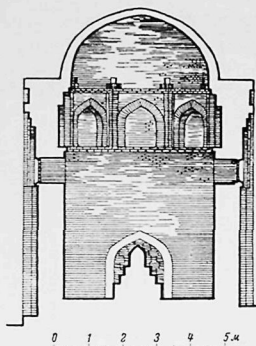
Постройка увенчана тремя куполами одного поперечника, сложенными на ганчевом растворе и покрытыми снаружи ганчем. Подкупольная конструкция — тромпы, чередуется с неглубокими нишами, причем те и другие обрамлены прямоугольным профилем. Над тромпами выступающие пяты купола вынуты в виде ячеистых углублений. Тромпы мавзолея имеют форму сомкнутого свода, а в мечети сведены тремя гранями, из которых средняя опирается на ячеистый парус — три зубчика из выпущенного углом кирпича. Основание пояса тромпов, отмеченное полочкой, находится над полом на высоте, равной ширине помещения.

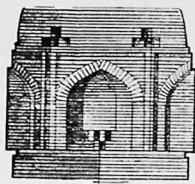
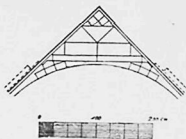
Мавзолей Ходжа-Ниса. План (позднейшая пристройка не показана) и западный фасад

Входная комната перед мавзолеем покрыта стрельчатым сводиком техникой «поперечных отрезков», вертикальных у западного торца и далее уклоняющихся от вертикали на 15° . Пяты свода слегка выступают. В основании свод выложен из ряда кирпича на ребро и двух рядов кирпича плашмя. Над этим помещением имеется второй этаж (куда можно попасть только снаружи по приставной лестнице), покрытый сводиком того же типа, но меньшего подъема.

Внутренняя поверхность арки между маленьким вестибюлем и мавзолеем оформлена таким образом, что швы вдоль щеки арки затерты ганчем, отчего получают параллельные полосы через каждые полкирпича.

Мавзолей Ходжа-Иса. Разрез

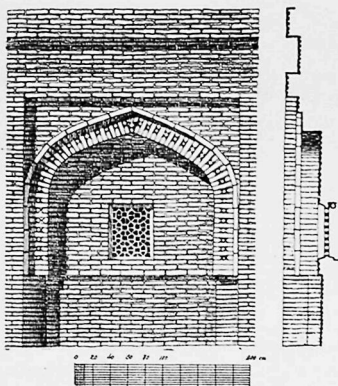
Мавзолей Ходжа-Иса.
Громб мечети

Внешняя поверхность стен расчленена лопатками на ряд зеркал с неглубокими арками. Любопытно, что пять арок свободно выступают из стены, лишь частично опираясь на пилястры. Нельзя предположить, что здесь были задуманы почему-либо неосуществленные угловые колонки, так как оставленные четверти для этого недостаточны. Архивольты арок отличаются изяществом: обрамлены по внешнему контуру тягой в толщину кирпича и включают фигурный кирпич в форме бантиков, чередующийся с гладким. Арка южной стены выложена целиком из фигурного кирпича, количество которого уменьшено на второй с юга арке западной стены до пяти штук на архивольт. В софитах арок восточной и западной стен — через одну — прорезаны небольшие оконца, в которых белеют остатки алебастровых решеток. Лопатки связаны наверху горизонтальным поясом. Кроме того, каждая фасадная плоскость в целом заключена в прямоугольную рамку, образованную венчающим поясом и угловыми массивными пилястрами. Вход в мавзолей с юга не получил специального архитектурного оформления.

В архитектуре этого скромного памятника чувствуется ясность и благородство форм. Отдельные размеры находятся между собой преимущественно в простых отношениях. Так, план сооружения дает примерно пропорцию 1 : 3; то же — восточный и западный фасады без цоколя, (торцовые фасады при том же условии дают квадрат). Высота и поперечник здания в интерьере составляют около 1 : 2.

Сохранность памятника удовлетворительна за исключением северной торцовой стены, которую пересекает широкая трещина.

Датировка VIII—IX веком, данная Логофетом, произвольна. Однако нет сомнений, что памятник действительно древний. Техника обнаженной кладки жженого кирпича и характер деталей вводят мавзолей Ходжа-

Мавзолей Ходжа-Иса. Фрагмент фасада

Иса в круг произведений XI—XII веков. Манера включения фигурного кирпича в арках фасада прямо сближает его с мавзолеем XI—XII веков в термезском ансамбле Султан-Саадат [6], а также с памятниками архитектуры сельджуков, каковы мавзолей XI—XII веков Мухаммеда Ханапья в древнем Мерве Талхатан-баба, южнее Мерва. В двух последних названных памятниках имеются сходные черты в формах фасада, где есть и небольшой вынос пят арок, которые, впрочем, выдаются только навстречу друг другу, а не вперед, как в Ходжа-Иса. В этих мавзолеех фигурируют «бантики» в архивольтах тромпов, причем общая композиция пояса тромпов вполне совпадает с таковой в Ходжа-Иса (квадратное обрамление и ячеистые паруса в свесах купола) [7]. На древность постройки указывают также штукатурные полосы на кривой арки — повторение способа оформления арок термезского Кырк-Кыз, где материалом служили сырец и глиняный раствор.

Итак, стилистические данные мавзолея Ходжа-Иса позволяют с достаточной уверенностью датировать его XI—XII веками.

В этой связи заслуживает упоминания находящийся примерно в километре от мавзолея холм, так называемый «тепе», представляющий остатки значительного по размерам древнего поселения. Можно допустить, что мавзолей воздвигнут именно жителями этого некогда населенного пункта. Повидимому, археологическое изучение городища могло бы доставить некоторые дополнительные данные к датировке памятника.

Сочетание в одном здании мечети и мавзолея, точнее говоря, мазара, т. е. места паломничества, как и вообще комплексное соединение нескольких культовых зданий, довольно обычно для Средней Азии. Но по

Мавзолей Ходжа-Иса. Деталь западного фасада

формам мавзолеев Ходжа-Иса, безусловно, весьма любопытен — анфиладность, четкая и сухая система последовательного соединения равноценных объемов при отсутствии ясно выраженного центра композиции. Мы не можем указать полной аналогии среди близких по времени памятников Средней Азии. Трехчастное членение с объединением посредством свода двух разновременных мемориальных зданий, как это имеет место в раннем мавзолее Султан-Саадат (а также новооткрытом мавзолее XI—XII веков близ Шаартуза Таджикской ССР) [8] носит по существу иной характер. Известное сходство налицо в сырцовом здании № 3 древнего Мерва, которое описывает В. И. Пилявский [9], хотя в этом здании центральная ось выражена совершенно четко. Зато среди построек XIX—XX веков данная архитектурная тема встречается не раз, с вариантами в числе куполов. Таковы два сырцовых мавзолея в Гузаре (Кашка-Дарьинская область УзССР), который лежит, как и Ширабад, на древнем пути через «Железные ворота» (ныне Бузгола-хана), кроме того, связан с последним через Дербент. Один из этих мазаров — двух, другой — трехкупольный с торцовым входом. Постройки эти относятся к XX веку и носят явно подражательный характер. В самаркандской гробнице Ходжа Данияра (XIX век) соединяются подряд пять куполов [10]. Наконец, поздний четырехкупольный мавзолей на территории древнего Мерва отмечен В. И. Пилявским [11]. Таким образом, ширабадский памятник возглавляет определенный архитектурный тип мемориальных построек, повидимому, провинциальный, окончательно измельчавший к XX веку. Существовали, видимо, и промежуточные хронологические звенья, но доныне сохранился лишь мавзолей Ходжа-Иса.

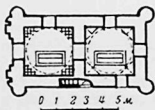
II. МАВЗОЛЕИ НАРИНДЖАНБАБА

Мавзолей, известный среди населения под именем Наринджан-баба, расположен в районе земель древнего орошения Каракалпакской АССР у границ так называемого Беркут-калинского оазиса (40 км от Турткуля). Несмотря на то, что он в настоящее время находится в зоне песков, здесь раскинулся довольно значительный комплекс: мазар, кладбище, несколько жилых построек. Будучи вплотную окружено позднейшими пристройками, здание мазара почти не видно снаружи. Помимо мавзолея, ансамбль включал два поздних купольных помещения, мечеть с резными деревянными колоннами, минарет и т. д., составлявших живописную группу. Однако теперь эти постройки находятся в развалинах. Вследствие того, что комплекс занесен песками, пол мазара приходится несколько ниже уровня грунта.

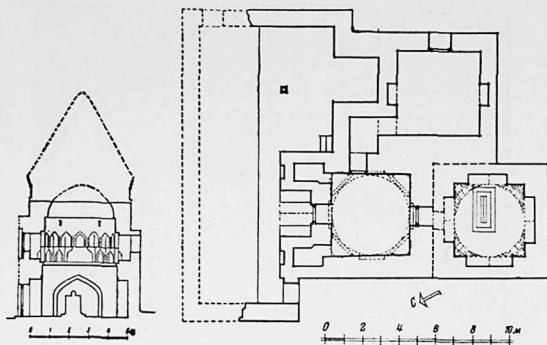
Здание имеет в плане вид квадрата 3,80 м в стороне с четырьмя неглубокими нишами. Стены жженого кирпича $30 \times 30 \times 5$ см сложены на глиняном растворе в пустошовку и несут несколько слоев ганчевой штукатурки общей толщиной до 5 см, которая в нижних частях стены большей частью отпала. Пол покрыт плитами жженого кирпича. Купол в последние годы разобран и заменен плоской кровлей по балкам. Общая высота до основания купола составляет 5,00 м. Примерно на половине этой высоты стены увенчаны, полочкой, подчеркивающей пояс тромпов. Пояс делится на два яруса, из которых верхний сведен к восьмерику и представляет систему ниш наподобие гипертрофированных сталактитов. С юга и севера ярус тромпов прорезан окнами, из которых северное теперь заложено. Аскетический характер помещения несколько скрашивается изысканностью надгробия, облицованного имитирующими кирпичную кладку терракотовыми плитами с резными панно и колонками на углах. На западной стороне вырезана арабская надпись, которая гласит: «Это усыпальница шейха, имама, мудрого, знаменитого, богомольного, постника, богобоязненного, творца явных чудес, тайны Аллаха на земле — Мухаммеда ибн-Мусы-ибн-Дауда абу-Абдаллах-ан-Наринджани. Да будет благословение Аллаха над ним, над его друзьями и любимцами в год семьсот двенадцатый».^[12] 712 г. хиджры соответствует 1312 г. н. э.

Резная дверь мавзолея, видимо, работы прошлого века.

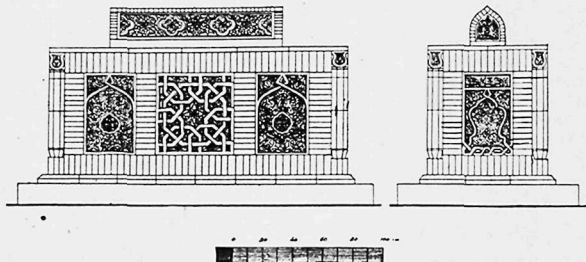
Стилистические данные — рисунок плана, характер оформления яруса тромпов, терракотовая орнаментация надгробия — позволяют отнести мавзолей к той ветви среднеазиатского зодчества, которая представлена группой памятников Куня-Ургенча: мавзолеями Фахрединна-Рази, шейха Шерефа и Тюрябек-ханым (XII—XIV века). Композиция плана сближает Наринджан-баба с двумя первыми из названных памятников, особенно с мавзолеем Фахрединна-Рази: в том и другом по четыре неглубоких ниши. В смысле пропорций внутреннего пространства Наринджан-баба имеет нечто общее с мавзолеем шейха Шерефа — ширина постройки равна диагонали квадрата со стороной, равной высоте до пояса тромпов. Формы пояса тромпов в каждом памятнике имеют свои особенности, однако, во всех случаях за исключением мавзолея Фахрединна-Рази наблюдается общая черта — ярус тромпов делится по высоте на две части, из кото-

Мавзолей в Гузаре.
План (обмер автора)

Мавзолей Наринджан-баба. План и разрез-реконструкция

Мавзолей Наринджан-баба. Надгробие

рых нижняя октогональна, а верхняя шестнадцатигранная. Элементы архитектуры фасада Наринджан-баба скрыты пристройкой; но поскольку в лицевой стороне имеется внутренняя ниша, не остается места для внешней, как и в мавзолее Шейха Шерефа. Видимо, не было и портала. Фасад памятника имел вернее всего композицию, сходную с фасадом мавзолея Фахреддина-Рази, т. е. плоскую стенку с некоторыми элементами декора — быть может, резной терракотой.

Мавзолей Наринджан-баба. Деталь надгробия

Привлекаемые к сопоставлению памятники Куля-Ургенча увенчиваются шатровым верхом на граненом барабане. Это дает повод и в данном случае реконструировать покрытие в виде конического купола с двойной оболочкой. Принимая во внимание отмеченное выше сходство с мавзолеем Фахреддина-Рази не исключено, что расчистка стены может дать любопытный результат.

III. МЕЧЕТЬ НАМАЗГО В КАРШИ

Мечеть намазго в Карши относится к типу сооружений, которые в силу самой своей функции представлены весьма небольшим количеством памятников. Намазго были назначены для молений по большим годовым праздникам (курбан, рамазан) и рассчитаны на большое скопление народа со всего города. Моления совершались только два раза в год. Но не в каждом городе есть здание намазго. Небольшие города обычно не имели специальной намазго, поэтому моления совершались в джума-мечети или на площади перед какой-либо святыней. Даже в Ташкенте, по свидетельству старожилов, праздничное богослужение совершалось на территории Шейхантаура, в большой джума-мечети и на площади перед мавзолеем Имам Кафаль-Шаши. Известны мечети-намазго Бухары, Самарканда, Карши и Кермине. Выказано предположение, что в свое время служил намазго и упомянутый выше Талахан-баба.^[13] — во всяком случае формы памятника вполне отвечают типу намазго.

Функция сооружения определила его композицию. Мечеть не вмещала всей массы молящихся, для которых назначался главным образом ее обширный двор. Смысл постройки состоял в том, что она всем своим развернутым фронтом ориентировала молящихся к Мекке. Мечети данного типа представляют открытую на восток аркаду с михрабом (или михрабами) в западной стене. Посредине выделяется основной кубический объем с порталом. В целом замечается эволюция форм здания от более компактных к развернутым вширь; намазго в Бухаре имеет трехчастное членение фасада (XII век с перестройками в XIV и XVI столетиях), каршинская намазго имеет уже пять нефов, а кермининская — семь (XVIII век)^[14] с аркадой всего в один ряд куполов, а не в два, как в более ранних.

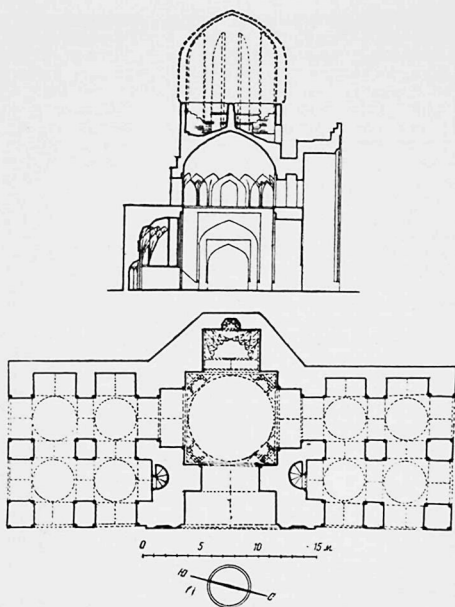
По тому же образцу строились иногда пятничные мечети. Таковы одна из соборных мечетей Ташкента и соборная мечеть в Зенги-Ата.

Так как намазго требовали крупного земельного участка, их строили обычно за городом или на его окраине.

Намазго в Карши по своим стилистическим данным является типичнейшим памятником строительной деятельности Абдулла-хана (1557—1598), воплощающим характерные черты зодчества этой эпохи.

Здание намазго расположено к югу от Карши. Оно имеет в длину 38,64 м с центральным квадратным залом 8×8 м. К центральному залу примыкают крылья, каждое с четырьмя куполами, что соответствует пятичастному членению фасада. Общая высота центральной части здания от пола до вершины купола составляет 14 м. Внешний купол центрального зала не сохранился, но барабан, судя по наличию пояса надписей (который обычно помещается непосредственно под куполом), уцелел на всю свою высоту. Еще видны остатки внутрикупольной конструкции — центральный столб, служивший для укрепления деревянных связей и кирпичные ребра. Перед фасадом здания напротив портала в пятнадцать метрах от него расположен восьмигранный купольный павильон-мимбар, где имам возглашал молитвы. Купол имел акустическое значение, усиливая и направляя звук голоса. Большой прямоугольный двор мечети сохраняет остатки пахсової стены, увенчанной зубцами.

Стены и пилоны мечети сложены из жженого кирпича $26 \times 26 \times 5$ см на глине; 10 рядов кладки по вертикали 68—72 см. Поврежденный

Намазго в Карши. План и разрез

угол одного из пилонов позволяет заметить, что внутренний массив кладки включает лом и половняк. Арки и купола сложены на алебастровом растворе, но с примесью глины. Арки северного фасада сложены заново из русского кирпича. Внутри мечеть оштукатурена ганчем без резьбы и окраски (насчитывается шесть положенных друг на друга слоев штукатурки, а в михрабе — восемь слоев). Центральный купол покоится на тропях. Полукупол западной ниши опирается на сетчатую систему щитовидных парусов. Эта конструктивно-декоративная форма весьма типична для XVI века и применялась широко в постройках Бухары (медресе Кукельдаш, хонако Файзабад и т. д.). Купола боковых нефов намазго поддерживаются ложно-сферическими парусами.

В композиционном построении намазго наблюдается ряд закономерностей. Если сопоставить размеры отдельных частей здания, получатся

две параллельных системы пропорциональных взаимоотношений, два модуля. Обозначив поперечник центрального зала (8,00 м) через A и ширину портала через B , получим:

1. Общая высота H здания до вершины внешнего купола (предполагая его реконструкцию — как показано на чертеже) составляла $3A$.

2. H до основания внешнего купола — $2A$.

3. H большой арки портала — $1,5A$.

4. Ширина прямоугольной рамки, куда вписаны большие выходящие в центральный зал арки — $A/2 \cdot \sqrt{2}$.

5. Ширина меньшей рамки, вписанной в первую — $A/2$.

В плане от центрального зала до границ восточного и западного фасадов отложен пролет большой арки зала.

С другой стороны:

1. H портала = B , т. е. фасад портала вписан в квадрат.

2. Полочка центрального зала помещается на половине этой высоты — $B/2$, а вершина внутреннего купола соответствует вершине равнобедренного треугольника, построенного на уровне полочки.

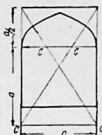
3. Ширина здания в крыльях — B .

Все эти соотношения легко проверить по чертежу.

Интересно построение арок. Если заданный пролет арки — a , строится прямоугольник, высота которого — $3/2 a$. Центры CC , из которых вычерчиваются плечи арки, лежат на $1/3 h$ прямоугольника в точках пересечения линии пят с его диагоналями, нижние же центры CC находятся в основании прямоугольника на пересечении сторон. В натуре они приходятся ниже пола, поэтому можно предположить, что кладка арок велась по кружалам.

Композиционно каршинская намазго очень близка самаркандской (XVII век): портал в плоскости фасада, абсидальный выступ западной стены, купол на высоком барабане. Это и понятно. Мечети данного типа строились так редко, что зодчий обращается к непосредственно предшествовавшему образцу. Но в самаркандской намазго семь нефов, а центральный купол покоится на пересекающихся арках.

Барабан, щеки и щипец главной арки облицованы шлифованным кирпичом и украшены письменами, выложенными из поливного кирпича, голубого, синего и зеленого. Барабан увенчан поясом майолики с белой надписью по синему полю, на бордюрах голубой растительный орнамент. Тимпан и дуга пештака с характерным для XVI века косым профилем облицованы майоликой. Рисунок майолики тимпана — звезды и многоугольники белым контуром по синему фону, заполненные голубым растительным орнаментом. В рисунке имеется и черный цвет. На срезе архивольты — черный фон и овальные медальоны с растительным орнаментом. На тимпане меньшей арки вверх остатки майолики: белая надпись на синем поле. Тона поливного кирпича четкие. Но краски майолики часто неопределенны, расплываются, смешиваются и выходят за пределы рисунка; голубой цвет переходит местами в чернильно-зеленый, черные контуры принимают коричневатый или зеленоватый оттенок. Глазурь положена на хрупкие кашинные плитки. Подобная техника и качество поливы обычны для построек Абдулла-хана. Аналогичную по технике и краскам майолику можно видеть, например, на фасадах медресе Абдулла-хан в Бухаре.

Намазго в
Карши. По-
строение
кривой арки

Время правления Абдулла-хана — один из видных этапов истории Средней Азии, когда централизованная политическая власть, широкие экономические связи и устойчивое международное положение создали базу для интенсивного развития строительства. При этом строительная деятельность Абдулла-хана по самому своему существу отличается от мероприятий правителей предыдущих веков — Тимура и его наследников: не возводятся роскошные уникальные здания, но разворачивается массовое строительство, где впервые получают развитие типы гражданских и коммунальных построек. В городах возводятся, помимо медресе и мечетей, караван-саран, бани, крытые рынки. Кроме того, сооружается огромное количество караван-сараев, мосты и сардобы (водохранилища) на многочисленных торговых путях страны. Вместе с тем меняются и художественные установки: пышная и дорогостоящая декорация уступает место более доступным видам отделки. И если, с одной стороны, является значительное число более простых, но высокохудожественных видов орнамента, то, с другой стороны, качество майолики, которая является обычным видом облицовочного материала, бывает нередко сильно снижено.

Облик мечети намазго в Карши говорит о том, что она несомненно принадлежит ко второй половине XVI века. По своим архитектурным данным она отнюдь не является одним из уникальных произведений среднеазиатского зодчества, но интересна как тип здания, представленный очень небольшим количеством образцов.

IV. ХОДЖАМНЫ КАБРЫ В НАМАНГАНЕ

Памятник, известный под безличным названием Ходжамны Кабры (т. е. «гробница святого»), представляет весьма любопытное явление в архитектуре своего времени. Этот мавзолей, относящийся ко второй половине XVIII века^[13], т. е. к периоду, когда в Средней Азии ярко сказывался упадок монументального зодчества, обнаруживает, тем не менее, высокий уровень мастерства и вкуса. Он воскрешает резную терракоту — технику, достигшую расцвета в зодчестве XI—XII веков, оставившем такие прекрасные памятники, как мавзолей Узгента, мечеть Магаки-Аттари и минарет Калян в Бухаре. В более поздние века резная терракота покрывается поливой (мавзолей Буян-Кули-хана в Бухаре, мавзолей Шах-и-Зинда и др.), а затем исчезает. В архитектуре XVIII—XIX веков резную терракоту можно встретить разве лишь в незначительных деталях. Ходжамны Кабры, на портале которого представлена резная терракота (а также поливная терракота и резьба по штукатурке), является исключением.

Памятник сложен из жженого кирпича размером $26 \times 26 \times 5$ см с затиркой швов. Портал приятных пропорций с угловыми гюльдаста^[16] облицован плитками резной терракоты. Архивольт арки поддерживается колоннами, тело которых покрыто резной поливной терракотой. Расцветка поливы необычна: ствол колонны сочного темнозеленого тона, капитель и базис оранжево-красные. Помимо тонов поливы обращает внимание оригинальная трактовка некоторых деталей. Так, коническая капитель украшена рельефом в виде трех петелек. Не менее своеобразна разбивка сталактитов глубокой арки портала, расположенных рядами параллельно шельге. Звездчатые основания сталактитов окрашены в голубой цвет. В архивольтах чередуются парно зеленые и красные гла-

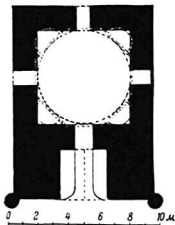
зированные кирпичи. Гюльдаста имеют кувшинообразный базис, покрытый глазурью, в которой сочетаются темнокрасный и оранжево-красный тона, переходящие к стволу поясом зеленых сталактитов. Тело гюльдаста местами охвачено поясками резной поливной терракоты зеленого тона. Кроме того, над аркой вставлены, как бы на пробу, несколько плиток поливной терракоты, хотя в целом плоскость портала лишена поливы. Арку огибает полоса резьбы по ганчу. Верх портала завершается рельефной надписью (резная терракота). Над входной дверью имеется резная по ганчу выпуклым рельефом надпись, которая содержит имя строителя: «Произведение усто Мухаммада Ибрагима сына Абдураима».

Квадратное в плане помещение венчается вытянутым кверху куполом, который в углах поддерживается сталактитовыми тропками. Звездочки сталактитов окрашены в темносиний цвет и обведены красной каймой. Между тропками помещаются резные панно. Купол украшен росписью, стилизованный рисунок которой изображает кувшин с веткой граната. Тон росписи кирпично-красный. Роспись чередуется с панно, причем и панно и рисунок включают медальон с резьбой по красному полю. Ниже тропок стены огибает полоса тонко выполненной резьбы по ганчу — письма и орнамент. Нижняя часть стен гладкая и покрыта в настоящее время масляной краской.

Наружный объем мазара имеет довольно своеобразные очертания. Купол покоится на многогранном барабане, который, видимо, должен был изображать двенадцатиконечную звезду. Однако конфигурация звезды получилась неправильной из-за тропок.

Анализ архитектурных форм приводит к заключению, что интерьер и внешний облик памятника несут следы совершенно разнородных влияний.

Было бы вполне естественно искать сходства Ходжамны Кабры с памятниками близлежащих Касана и Сафит-Буленда, которые относятся к более раннему времени (XIII—XV века). Но в мазарах Касана портал недоразвит, т. е. не закрывает всего объема здания, между тем как Ходжамны Кабры представляет пример вполне развитого, обладающего всеми традиционными элементами портала; формы интерьера также не дают материала для параллелей. Что же касается мазара Шах-Фазиль в Сафит-Буленде, он по своему объемному решению представляет совершенно беспортальное центрическое сооружение^[17]. Однако общность архитектуры интерьера этих двух памятников дает право говорить с уверенностью, что первый из них в значительной мере послужил образцом для второго. Прием решения внутреннего пространства в обоих случаях одинаков — квадрат основания сводится к высокому куполу поясом тропок, отсутствуют придающие крестообразность плану ниши в стенах. Решение пояса тропок при различиях в пропорциях и декорации в общем равноценно: круглые в плане, они чередуются с арочными панно. В обоих случаях купол в углах восьмигранника образует свесы. Наконец и там, и здесь купол членится на дольки орнаментальными полосами, сходящимися в зените (в Шах-Фазиль видны их основания). Сходство рас-

Ходжамны Кабры в Намангане. План

пространяется и на мелкие детали. Там и здесь фигурируют круглые медальоны с рельефной резьбой, под поясами трюмпов помещаются выполненные круглым рельефом надписи. Особенно любопытны узенькие островерхие лопаточки, напоминающие лыжи, которые помещены в углах пояса трюмпов. Совпадение этих характерных деталей доказывает лишний раз, что сходство всех остальных элементов архитектуры интерьера не является случайным.

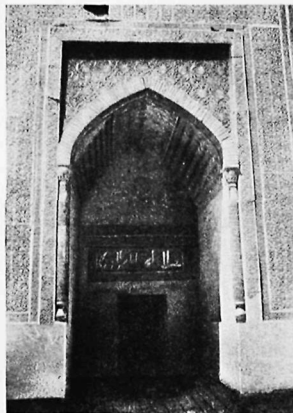
Поиски аналогий внешней архитектуры Ходжамны Кабры приводят к памятникам, гораздо более далеким как территориально, так и хронологически: здесь мы имеем реминисценцию приемов XII века. Общее построение портала не отличается в принципе от порталов южного и северного узгентских мавзолеев, хотя соотношение плоскости и проема (арки) иное. Иначе трактуется и заполнение плоскости. Гюльдаста получили базис. Известная общность намечается у Ходжамны Кабры и с некоторыми другими ранними мавзолеями, как Айша-биби (близ Джамбула, XII век) и так называемый мавзолей Манаса. Портал Айша-биби также сплошь облицован резными терракотовыми плитками, распадающимися по рисунку на две группы. Но в то время как в наманганском мавзолее два рода плиток заполняют огибающие арку полосы, там они подчеркивают членение фасадной плоскости на две части по вертикали. Гюльдаста Айша-биби лишены базиса, зато имеют капители. Мавзолей Манаса (Таласский район Киргизской ССР) сходен с Ходжамны Кабры композицией портала и также имеет звездчатый в плане барабан.

Таким образом, становится несомненным, что архитектура Ходжамны Кабры подражательна, и строитель взял за образец ряд памятников среднеазиатской древности, главным образом, ферганских. XVIII век — период феодальной реакции. Политическая раздробленность и анархия, потеря рынков и упадок экономики вызвали запустение ряда городов и сокращение строительства. Произведения монументального зодчества этого времени, как правило, бедны по замыслу и скудны по отделке. Поэтому при появлении постройки, сколько-нибудь выдающейся из общего уровня, ее создателю не оставалось ничего лучшего, как вдохновляться образцами блестящего прошлого страны. И надо отдать справедливость усто Мухаммаду Ибрагиму — он мастерски и со вкусом воспроизводит стилистические приемы XI—XIII столетий (хотя, разумеется, орнамент плиток несравним с древним). Но, копируя их, он недостаточно последователен, отсюда эклектизм, несогласованность внутреннего и внешнего облика здания. Тем не менее, Ходжамны Кабры бесспорно является весьма незаурядным памятником, намного превосходящим уровень зодчества своего века. Появление его, может быть, объясняется тем, что правители Намангана, который превращается из селения в город только в середине XVIII века, стремился для поднятия своего престижа восполнить недостаток монументальных зданий сравнительно с другими более древними городами Ферганы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Очерки Средней Азии. СПб, 1913, стр. 120—121.

2. В составе: директора Музея Восточных Культур. Б. В. Веймарна, Н. В. Черкасовой и В. Л. Ворониной. Приношу благодарность Н. В. Черкасовой за помещаемую фотографию.

Ходжамны Кабры в Намангане. Портал, арка портала и гюльдаста

3. М., 1939, стр. 108, рис. 99—102.
4. Выражаю признательность А. К. Писарчик за прилагаемые фотографии (рис. 13).
5. В основании решетки вмазан фрагмент плиты черного мрамора с надписью, происхождение которого не выяснено. Надпись прочесть не удалось. Судя по почерку, она значительно более позднего происхождения.
6. См. Б. Н. Засыпкин. «Архитектурные памятники Средней Азии». Вопросы реставрации, т. II, М., 1928.
7. Н. М. Бачинский. «Мавзолей Мухаммед-Хананья». Архитектурные памятники Туркмении. Москва—Ашхабад, 1939. А. М. Прибыткова «Мавзолей Талхатан-баба». Новые исследования по истории архитектуры народов СССР. М., ВАА, 1947.
8. Обнаружен и исследован Вахшским отрядом Согдийско-Таджикской археологической экспедиции Ленинградского отделения ИИМК АН СССР и Таджикистанского филиала Академии Наук в 1946 году.
9. В. И. Пилявский. «Сырцовые сооружения Древнего Мерва». Новые исследования по истории архитектуры народов СССР, стр. 48, 49.
10. В. Быков, Ю. Яралов. «Ансамбли Самарканда—Ходжа Абди-Дарун и Ходжа Данияр». «Архитектура СССР», 1944, № 6.
11. В. И. Пилявский. Цитируемое соч., стр. 50.
12. Приношу благодарность М. А. Салье, сделавшему перевод надписи, а также А. И. Тереножкину, предоставившему ее фотографию.
13. С. А. Судakov. «Архитектура сельджуков в Средней Азии». «Социалистическая наука и техника», 1936, № 10.
14. А. К. Писарчик. «Памятники Кермине». Материалы по истории архитектуры народов СССР, ВАА, 1944.
15. Датировка на основе опросных сведений, полученных А. К. Писарчик. Старожилы сообщают, что прежде внутри здания была надпись, содержащая дату постройки.
16. Угловая колонна портала.
17. Б. Н. Засыпкин. «Архитектурные памятники Ферганы». Труды Секции истории искусств, т. V, 1930, стр. 62—73.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Н. Виноградов, архитектор. Мавзолей Восьмигранник в ансамбле Шах-и-Зинда в Самарканде	5
Л. Н. Воронин, доктор архитектуры. Устройство оснований в памятниках архитектуры Средней Азии	14
Е. А. Давидович, археолог. К датировке мечети Ходжа Зайнеддина в Бухаре	25
В. М. Дмитриев, кандидат архитектуры. Композиционные особенности бухарской архитектуры второй половины XVI века	34
М. Е. Массон, доктор археологии. О происхождении мавзолея Туркан-ака в Самарканде	46
В. А. Нильсен, архитектор. Мавзолей Мир-сеид-Бахром в Кермине	52
Г. А. Пугаченкова, кандидат архитектуры. К вопросу о реконструкции ансамбля Дорус-Сиадат, тимуридской усыпальницы в Шахрисябзе	58
Н. И. Френкель, архитектор. Мавзолей Абубекр Мухаммед Каффаль-Шаши в Ташкенте	73
В. Л. Воронина, кандидат архитектуры. Неизвестные памятники Средней Азии	84

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ СССР

* * *

Отв. редактор В. Л. Воронина
Редактор Н. С. Богатырева
Технический редактор Т. В. Печковская

* * *

Подписано к печати 18/1 1950 г.
Формат бумаги $70 \times 108 \frac{1}{16}$ Печ. л. $6 \frac{3}{8}$.
Уч. изд. л. 9. Т 00808. Тираж 1 000 экз.
Изд. № 784. Заказ № 2643. Цена 11 руб.

* * *

Тип. Изд-ва Академии Архитектуры
ул. Пушкина, 24

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
13	2 снизу	И. П. Щелбыкин	И. П. Щелбыкин
23	10 снизу	в XIV веке	в XVI веке
34	13 сверху	в XVI и XV веках	в XIV и XV веках
53	18 снизу	памятках	памятниках
72	3 сверху	be Baber	de Baber

ОДИННАДЦАТЬ РУБЛЕЙ